

ТАТАРСКАЯ СЛОБОДА И МЕЧЕТЬ В КОСТРОМЕ

ТАТАРСКАЯ
СЛОБОДА
И МЕЧЕТЬ
В КОСТРОМЕ

НИКОЛАЙ МУРЕНИН

**ТАТАРСКАЯ
СЛОБОДА
И МЕЧЕТЬ
В КОСТРОМЕ**

КОСТРОМА 2015

УДК 947.083 (471.317) + 297

ББК 63.3 (2Р34) + 86.38

М 912

Историко-краеведческое издание

«Татарская слобода и мечеть в Костроме»

Кострома. 2015 – 92 с.

Несколько веков в Костроме на левом берегу Волги существует уникальное место – Татарская слобода. Там же находилась построенная во времена Екатерины Второй мечеть, которая была разрушена в 1930-е годы. Об истории Татарской слободы, о занятиях, обычаях и обрядах её жителей, о деятельности старой мечети и строительстве в наше время новой повествуется в этой книге.

УДК 947.083 (471.317) + 297

ББК 63.3 (2Р34) + 86.38

© Н. В. Муренин, текст

© С. И. Кадыбердеев, художественное оформление

© В. А. Кокшаров, оригинал-макет

© Мусульманское религиозное объединение г.Костромы

ЗНАТЬ СВОЮ ИСТОРИЮ

Вместо предисловия от коллектива издателей

Уважаемые читатели!

В этой книге мы, коллектив единомышленников, постарались рассказать для будущих поколений и для тех, кому эта тема интересна, то, что мы сами узнали из исторических документов, и привели наши свидетельства о жизни и истории татар и Татарской слободы, о возрождении соборной мечети в городе Костроме. Мы хотим, чтобы эта книга была с продолжением, т.к. надеемся, что Костромская татарская слобода будет жить и развиваться, что появятся герои своего времени, так же любящие свою родину и свой народ, как это делали наши предки и мы, ныне живущие, оставившие положительный след в истории Костромы. Как говорится в народной мудрости: народ, не знающий своей истории, не имеет будущего. Надеемся, что будущее поколение добавит в эту книгу свои успехи для своих последователей, и этот процесс будет нескончаем, для связи поколений, для созидания.

Мы искренно убеждены, что всё в этом мире происходит по воле Всевышнего. Подтверждение этого мы видим в возрождении ислама и строительстве новой мечети в Костроме. В начале 90-х годов собрались, казалось бы, далёкие от ислама в своей обычной жизни люди, но искренне любящие Россию и свой татарский народ - Искандеров Ф.И, Мифтахов Р.М, Тимербаев Т.А, Хайрутдинов М.Х, Зарипов Х.С. и Мандалиева А.У. и решили возродить мечеть. Почему мечеть? Да потому что, как сказал известный татарский поэт Габдулла Тукай, ислам - это корень и фундамент татарского народа. Для строительства мечети основную финансовую помощь оказало правительство и предприятия Турции и Татарстана. И, конечно же, строительство не обошлось без жертвований простых граждан разных национальностей и вероисповедания. Всем миром, сообща мы смогли построить действительно красивую мечеть, здание - украшение города Костромы и, надеемся, центр возрождения и развития ислама и Татарской слободы.

г. РОМАНОВЪ

г. КОСТРОМА

КОСТРОМА

Матварквас: слобода и Меремб & Костромле

ИСТОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Татарская слобода.
рисунок с фотографии начала XX века (художник С. Жадыев)

По документам Разрядного приказа Костромская татарская подгородная слобода Костромы, что размещалась на самом берегу Волги у Черной речки, была основана в 1680 году. Сюда по царскому указу переселили из Романовского уезда Ярославской губернии 208 человек, поскольку «они в православную веру не крестились». В 1686 г. костромской воевода Ф.И. Чемоданов пересмотрел всех переселенцев «на лицо» и определил, что под Костромой проживает 44 кормовых мурз и татар, 20 вдов, 51 вдова с детьми и 105 зависимых людей, всего 220 чел. Самыми богатыми были семьи Юсуповых, Кутумовых, Шайдаковых. Татары получили «кормовые деньги» и компенсации за оставленные в Романовском уезде поместья. И вот с тех пор предками жителей костромской Татарской слободы и называют этих «романовских татар».

Что это был за народ и как появился он в наших местах? Давайте вспомним историю царствования Иоанна Грозного и то, как он, стараясь охранить рубежи России от татарских набегов, брал на службу ногайских князей.

В 1554 году в Ногайской орде произошел переворот. Сыновья убитого бия Юсуфа постепенно переманиваются на службу Москве. В 1563 году татарские мурзы, сыновья и племянники Юсуфа, со многими служилыми татарами явились ко двору царя и были им приняты с большой благосклонностью. В 1565 году Иван Грозный отдает Ибрагиму, сыну Юсуфа, город Романов и окрестные деревни в кормление. Постепенно к своим знатым сородичам начинают приезжать ногайцы, недовольные положением при новой власти в Орде, и также ищущие службы у русского царя. Они селятся около города Романова, где возникает особая татарская слобода. Так в пределах России, в самом её центре, появляется еще один «татарский» город. Населяющим Романов татарам разрешалось исповедовать свою религию, имели они в городе и свои мечети.

Существует легенда о том, почему царь Иоанн Васильевич отдал ногайским татарам именно городок Романов. Ехал государь в середине марта из вологодского Белозерского монастыря и решил остановиться в Романове. Горожане, узнав об этом от вестового, вышли к Волге встречать царский поезд. Впереди ехали с десятков воинов, за ними следовали дорожные сани с царем, потом сани царевича с няньками, сани с дьяками приказа, царская кухня, замыкали поезд четверо воинов. Дружно ударили колокола на соборной колокольне, к городским воротам выехали воевода и посадский с хлебом-солью. Поезд остановился, царя под руки вывели из саней. Хмурый, усталым взглядом обвел он всех и двинулся через ворота в кремль. Трапезничал и отдыхал с дороги государь в воеводском тереме, но для приема челобитных и прочих дел пожаловал в приказную избу.

К утру сильно подморозило. Наспех провели утреннюю службу в Крестовоздвиженском соборе. Государь торопился к обедне в Толгский монастырь, что под Ярославлем. Воины и сани стояли готовыми, государю помогли сесть. Он кивнул всем на прощание, и поезд тронулся.

Вот он морозец, вслед за оттепелью! Скользят люди, скользят лошади. Несколько верховых спешиваются и берут лошадей за узду, сдерживая их. За посадом дорога пошла под уклон, тут и вовсе сплошная скользь. Под южной угловой башней, на повороте, лошади внезапно падают, царский возок заносит в сторону и

опрокидывает. Тут кто бросается к царю, кто упавших лошадей распрягает. Суматоха, крики. Наконец царю помогают выбраться из опрокинутого возка. Все в страхе глядят на него. Испуг на лице царя сменяется яростью. Воевода, дружина, жители в ужасе падают на колени. Вскоре возок поправляют, и царь в гневе садится в него. Тут воевода подсакивает к возку, дружинники, кто познатнее, к нему. Облепили сани, подняли и понесли вместе с царем к Волге, а лошадей отдельно повели.

И вот весь поезд собран и готов в путь. Воевода слезно молит царя о прощении, но тот хмур и зол. Тут и дьяк приказа с готовностью застыл, на воеводу тоже злобно посматривает: государь, как будет с Романовым? «Будет так, как я решу! — царь сверкнул глазами. — Ноги моей не будет больше в этом городишке. Воеводу назначать сюда построже. Город со слободами отдам ногайцам с их татарами. Пусть заселяют и объезжают своих степняков на тутошних горках».

Поезд тронулся. Провожающие на коленях с непокрытыми головами осеяли крестом уезжающего царя. А потом в Романовгородке по прихоти Грозного появились первые татары, которые быстро заселили благодатные места. «Мурзы, татарские князья, имели широкие права требовать с населения Романова для «кормления и службы» деньги и в большом количестве различные харчи».

В примечаниях к «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина говорится о духовном завещании Грозного 1572 года, где, в частности, отмечается: «Благословляю сына моего Ивана... город Романов на Волге. А держи его (Романов), сын мой, за Ногайскими Мурзами; а отъедут или изведутся, ино город Романов сыну моему...».

Но не отъехали и не извелись, а продолжали, как говорят, жить-поживать. Новая страница в жизни переселенцев, которым был пожалован Романов, открылась при Михаиле Федоровиче Романове (весьма любопытное совпадение названия города с фамилией нового царя). Положение изменилось: был издан Указ 1614 года, который установил в городе Романове царского воеводу, ограничив самостоятельность татар. А в 1620 году, после челобитной посадских людей, «ясак» — дань с населения слободы, стал уходить не ногайским князьям, а напрямую в Посольский приказ. Мурзам же выплачивалось только жалованье.

В 1628 году до царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича дошли жалобы, что «на Москве и в городех у иноверных и некрещеных иноземцев служат православные христиане, и тем православным христианам от иноверцев чинится теснота и осквернение, и многие без покаяния, без отцов духовных помирают, и великий пост и в иные посты мясо и всякой скором едят неволею».

Царь и патриарх, изучив дело, приняли следующее решение: «Православных христиан у иноземцев некрещеных из дворов взять, и впредь тем православным христианам у иноверных, у некрещеных у иноземцев, во дворах быти не велели, чтоб в том христианским душам осквернения не было и без покаяния не помирали б».

«Соборное Уложение 1649 года» подтвердило этот указ, добавив предупреждение о жестоком наказании: «А иноземцам некрещеным на Москве и в городех держати у себя во дворах в работе иноземцев же всяких розных вер, а русским людем у иноземцев некрещеных, по крепостям и добровольно, в холопстве не быть. ... А буде которые русские люди учнут у некрещеных иноземцев во дворах служити по крепостям, или добровольно, и тех, сыскивая, чинити им жестокое наказание, чтобы им и иным таким не повадно было так делати».

Что же касается изменения веры и, в частности, принятия мусульманства, то тут законы были очень суровыми. В упомянутом «Соборном Уложении» присутствовала статья, в которой говорилось: «А будет кого бусурман какими-нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а същется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнем безо всякого милосердия. А какого он русского человека обусурманит, и того русского человека отослать к патриарху или к иной власти, и велеть ему учинить указ по правилам святых апостолов и святых отцов».

Русское правительство последовательно проводило по отношению к романовским, как, впрочем, и к другим татарам, политику постепенного крещения. Знатных ногайцев постепенно ассимилируют, вынуждая принять православие.

В 1656 году умирает в Романове мурза Сеюш, оставшись верным вере предков. У Сеюша было пять сыновей, но власть в это

время в Романове окончательно переходит к русскому воеводе. Первым принял святое крещение в православие сын Сеюша и правнук Юсуфа Абдул мурза. После крещения он получил имя Дмитрия Сеюшевича Юсупова-Княжева и титул князя вместо татарского мурзы. От сыновей Сеюша и пошел знаменитый род князей Юсуповых, которые были крупнейшими землевладельцами в России, имея к началу 20 века 250 тысяч десятин земли в 17-ти губерниях империи. Им принадлежали свеклосахарные, лесопильные, винокуренные, кирпичные и фарфоровые заводы, текстильные и картонные фабрики, рудники, они разводили племенных лошадей и овец (знаменитая романовская порода). Дипломаты и военачальники, губернаторы и меценаты — кем только Юсуповы не были, они же состояли в близком родстве с императорской фамилией.

Сначала русские цари действовали чисто экономическими мерами. Взять хотя бы Указ царя Федора Алексеевича «О разных монарших милостях романовским мурзам и татарам за принятие христианской веры» от 21 мая 1680 года. А до этого царь Алексей Михайлович запретил под любым предлогом передавать или продавать татарам наделы русских помещиков или крестьян.

Царь Петр применял уже и насильственные меры: земли ногайцев, не желавших креститься, забирали в казну. В 1712 г. Петр I упразднил поместные войска и стал создавать русскую армию по западному образцу. Татарам, как особому виду войск, в этой армии места не было. Поэтому татарские подразделения ликвидировались, а сами князья, мурзы и служилые татары начали утрачивать свое положение. 13 ноября 1713 г. вышел Указ Петра I: «Басурманам магометанской веры, за которыми есть поместья и в тех поместьях за ними крестьяне православной христианской веры, чтобы

крестились конечно в полгода, а если крестится, теми поместьями со крестьянами владеть по-прежнему».

Сохранившие прежнюю веру татарские мурзы и служилые татары Указом Петра I были мобилизованы на рубку и вывозку корабельных лесов для строительства флота, правда, освобождены от платежа подушной подати.

Положение татарских мурз продолжало ухудшаться и после Петра I. Времена, когда они были единственными, кто противостоял степнякам, прошли. Татарские мурзы были приписаны к сословию казенных крестьян и в дальнейшем обложены тяжелой подушной податью.

Но значительная часть татар так и осталась в мусульманской вере. Вера для них была даром Божиим, который они несли, несмотря на тяготы, на протяжении всей своей жизни. Вот таких татар и решено было лишить наделов в Ярославской губернии и выселить из Романова (ныне это город Тутаев Ярославской области).

Служилые романовские татары численностью 128 человек, категорически отказавшиеся принять христианство, окончательно переселены были в Татарскую слободу Костромы Указом императрицы Елизаветы Петровны от 13 декабря 1760 года. Многие из переселенцев принадлежали к роду служилых ногайских мурз, и поэтому они также получали «кормовые деньги» и компенсации за оставленные в Романовском уезде поместья.

В мае 1767 г.
во время путешествия по Волге Кострому
посетила императрица Екатерина II, которая, как сообщали
позже «Костромские губернские ведомости», повелела
местному воеводе Малыгину:

Екатерина II

«... состоящую близ г. Костромы государственную Татарскую слободу и живущих в ней татар иметь ему воеводе под собственным его смотрением и попечением и во всех касающихся их нуждах и от них прошениях разбирать ему, а кроме его никому не велять...».

По распоряжению Екатерины II был подготовлен указ о восстановлении татарских муфт в благородном дворянском состоянии. В 1779 году, после учреждения Костромского наместничества, костромские татары вошли в разряд казенных крестьян.

В 1782 году царское правительство создает специальный государственный орган — Духовное управление мусульман, выполнявший впоследствии некоторые функции Синода. Через Духовное управление осуществлялся контроль за мусульманскими священниками. Это положило начало некоторой упорядоченности положения мусульманских служителей культа в России. А за образец был взят пример построения управленческой структуры православно-христианской иерархии.

Муфтий — глава управления и члены собрания получали жалование как государственные чиновники. Кроме того, муфтию жаловался генеральский чин. После таких реформ положение духовенства изменилось. Духовное управление выполняло некоторые функции государственного органа, в частности, с 1828 года ему вменялось в обязанность вести регистрацию рождаемости и смерти прихожан, вести бракоразводные дела, для чего был создан институт казыев.

В связи с такими изменениями в религиозной политике русского государства мусульманское духовенство оказалось самой привилегированной прослойкой татарского общества. Хотя муэдзины и муллы малых приходов, каким являлся и приход Татарской слободы, в экономическом отношении совсем не отличались от большинства крестьян, многие из них были неграмотны. Имамы и ахуны составляли среднее звено мусульманского духовенства. А муфтий, казый, ишан — относились к высшему слою иерархии.

Татарское кладбище

Матаркваш: слобода Һ мечетъ в Костромле

МЕЧЕТЬ В ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЕ

По мнению И.Е. Забелина, называвшему слободу «растительными клетками» города, слово «слобода» происходит, скорее всего, от слова «свобода». В отличие от посадского тяглового населения, несшего различные повинности (денежные и натуральные), жители слобод, специализирующиеся, как правило, в какой-то необходимой для города работе, были освобождены от повинностей.

Слобода — это особый мир, организм, имевший раньше свои правила управления. И главное из них — круговая порука, когда все отвечали за каждого. Власти сознательно шли на разрешение такого самоуправления. Легче было иметь дело со слободским начальством, а не с каждым отдельным жителем.

Основным органом власти был мирской сход, который выбирал: старосту, десятников и других лиц (в зависимости от специфики слободы). В Татарской слободе он собирался на братском дворе, находившемся у соборной мечети.

В братском дворе сидел староста, велись записи, связанные с жизнью слободы. Сюда приходили десятники, докладывавшие о состоянии дел в своем десятке дворов: о подозрительных людях, о драках, воровстве, о корчемстве — тайном изготовлении и продаже вина, игре в азартные игры, продаже табака и другом. На них было также возложено следить за тем, чтобы в летнее время не топили печей, чтобы пищу готовили на огородах в безопасных местах, чтобы по улицам и переулкам были караулы.

Дома в Татарской слободе располагались вдоль берега Волги с двух сторон главной улицы. Деревянная мечеть, открытая здесь в 1780 году, возвышалась в её середине. Это была одна из первых мечетей, открытых в центральном и северном Поволжье и северо-восточном районе центральной части России. Она издали была заметна плывущим на пароходах по Волге. На восточной стороне слободы находилась сосновая роща, где было расположено мусульманское кладбище, которое существует и в наше время.

С 1847 года на протяжении более полувека муэдарином и затем имамом мусульманского общества в Татарской слободе являлся видный религиозный деятель Российской Империи Тухфатулла Сафаров, имевший к концу жизни более 8 государственных наград.

В 1866 году в Татарской слободе, благодаря его стараниям, было открыто медресе. Обучение в нем было бесплатным и проводилось имамом ежедневно кроме пятницы. Преподавались законы шариата, арифметика, чистописание (арабский алфавит) и языки — турецкий и арабский (чтение и письмо). Учебное заведение посещали 25 мальчиков в возрасте от 6 до 15 лет. Жена имама обучала на дому до 10 девочек законам шариата и счету.

В память 55-летней службы Тухфатуллы Сафарова в духовном сане при мечети Костромской подгорной татарской слободы (так она тогда называлась) в Костроме, в губернской типографии, была издана брошюра «Биография Ахуна Сафарова и описание местности Костромской подгорной Татарской слободы», где, в частности, говорилось следующее:

«Костромская подгорная Татарская слобода, где имеет жительство Ахун Сафаров, расположена близ самого города на востоке, это два ряда чистеньких раскрашенных домиков по отлогому живописному берегу реки Волги. Из середины слободы величаво красуется с Луной деревянная мечеть, а далее, за слободой, сосновая роща, где находится мусульманское кладбище с памятниками, что резко бросается в глаза для каждого проезжающего Волгой, и что здешние татары, живущие среди русского народа, не утратили своей религии, доброй нравственности и преданности к Белому царю. Вообще, Татарская слобода отличается чистотой и опрятностью и служит местом прогулки и экскурсии для костромичей, идущих сюда по праздникам полюбоваться местностью и житьем-бытьем татар... Они принадлежат к

потомкам служилых татар, зачисленных в 1779 году в сословие казенных крестьян, из коих вышли многие дворянской фамилии, как то: Бильгильдеевы, Булатовы и другие, указывающие на свое татарское происхождение. ...»

Из этой же бошпору узнаем, что **Ахун Сафаров** родился в 1822 году в деревне Азеево Елатомского уезда Тамбовской губернии, воспитывался в селе Четаево Касимовского уезда Рязанской губернии, религиозное образование получил в одном из медресе Казани. «По прошению, с приговором крестьян Костромской губернии и уезда, подгородной Татарской слободы, определен на должность учителя, т.е. Магаллимом 15 января 1847 года и, по предварительном испытании в присутствии Оренбургского Духовного Соборания, оказался быть способным: Имамом, Джамегом, Хатыном и Магаллимом, в каковых званиях, согласно отношению помянутого Соборания, Костромским Губернским Правлением Указом от 30 сентября 1849 года за № 14027 утвержден к мечети подгорной Татарской слободы Костромского уезда». Одновременно ему было разрешено исполнять «духовные требы над нижними чина-

Мечеть.
рисунок с фотографии 30-х гг.
(художник С. Кадыйбердеев)

ми из магометан (мусульман) во всех войсках Московского военного округа», исполнял он обязанности муллы и Нижегородского гарнизона. «Вследствие отношения Оренбургского Муфтия от 24 июня 1889 года за ревностное исполнение возложенных на него Начальством поручений, при хорошей нравственности и одобрительном поведении утвержден в звании Ахуна при той же мечети». О том, каким большим уважением и доверием мусульман и властей он пользовался, говорят его многочисленные государственные награды, среди которых: две серебряные и две золотые медали на Станиславской и Аннинской лентах для ношения на шее, две золотые медали «За усердие» на Владимирской и Александровской лентах, серебряная медаль в память императора Александра Третьего. Была также назначена ему в 1900 году «вне правил» государственная пенсия из казны по 120 рублей в год.

Заметим, что духовное воспитание Сафаров получил в Касимовском уезде, где в течение нескольких столетий в составе Российской Империи существовало самостоятельное татарское ханство, такое своеобразное государство в государстве. Основано оно было в середине 15 века ханом Касимом, который состоял на службе у великого князя Василия Васильевича и участвовал в походе против Шемяки в Костроме. Как известно, галицкий князь Дмитрий Шемяка боролся за великокняжеский престол, но проиграл, а Касим получил в удел Городец Мещерский на Оке и положил начало Касимовскому ханству (ныне город Касимов Рязанской области).

В 1906 году Тухфатулла Сафаров был с почетом освобожден от должности (по болезни). По этому случаю имеется подписанная Костромским вице-губернатором резолюция от 19 апреля 1906года:

«Согласно составленного и надлежаще проверенного и утвержденного приговора крестьян домохозяев Костромской подгорной Татарской слободы от 4 декабря 1905 г. и медицинского свидетельства Врачебного отдела Ахуна Муллу мечети той слободы Тухфатуллу Сафарова по болезни уволить от занимаемой должности, а на его место назначить согласно избранию тех же крестьян, а равно согласно отношению Оренбургского Магометанского Духовного Соборания от 13 минувшего марта №1421 о неимении препятствий к утверждению в помянутой должности муэдзина той мечети Хасамутдина Абызова, о чем

и объявить им и крестьянам слободы через Костромское уездное полицейское управление и уведомить Оренбургское Духовное Магометанское Общество»

(ГАКО.Ф134,оп.6-ш,№4804)

25 апреля 1906 года распоряжением Костромского губернского Правления **Хасамутдин Абызов** был утвержден в должности муллы мечети Костромской подгорной Татарской слободы.

28 августа 1908 года Хасамутдин Абызов был возведен в почетное звание Ахуна. При этом он произнес клятву, вот ее текст на русском языке (к сожалению, документ, хранящийся в Государственном архиве Костромской области, немного обгорел, как, впрочем, и некоторые другие используемые документы):

«Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь в том пред святым его Алкораном в том, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и Всемилостивейшему Великому ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссийского престола Наследнику Царевичу и Великому Князю Алексею Николаевичу верно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови и все к высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА самодержавству, силе и власти принадлежащие ...и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по нашему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять и притом по крайней мере стараться спешествовать к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может;

о ущербе же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интересе, вреде и убытке, как скоро в том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тратися и всякую вверенную тайность крепко хранить буду и поверенный и положенный на мне чин, как по сей генеральной, так и по особливой, определенной и от времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Именем от предустановленных надо мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, как верному ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежит и как я пред Богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу; как суще мне всевышний Бог душевно и телесно да поможет. БИЛЛАГИ, ВАЛЛАГИ, ТАЛЛАГИ. В заключение же сей моей клятвы целую слова святого Алкорана. Аминь»

(ГАКО.Ф.134, оп. 6-ш, № 4804).

Во время приезда в Кострому на празднование 300-летия Дома Романовых в мае 1913 года императора Николая II в губернаторском саду его приветствовала делегация от населения Татарской слободы, состоящая из трёх лиц: муллы мечети Миргазиза Забирова, сельского старосты Татарского общества Мюхтяхуди́на Аюпова-Космасова и Алея Сейфуллина Маметева. Миргазиз Забиров преподнёс императору хлеб-соль и выразил чувства татарского населения в следующих словах:

«Ваше Императорское Величество!

Великое счастье пало на долю нас, представителей от крестьян-мусульман подгородной Татарской слободы, Тридинской волости, встретить Вас, Ваше Императорское Величество, с хлебом-солью и выразить Вам, наш великий государь, наши верноподданнические чувства беззаветной преданности и беспредельной любви к Вам и Вашему августейшему семейству, и всей родине нашей матушке России».

В многовековой летописи Татарской слободы были разные страницы — и радостные, и печальные. В 1873 году произошел большой пожар, и слобожане вынуждены были просить помощи у самого губернатора.

«15 мая 1873 года.

*Его Превосходительству Господину Костромскому
Губернатору Сельского старосты Татарской слободы
Куралиши Адыльшина*

Покорнейшее Прошение

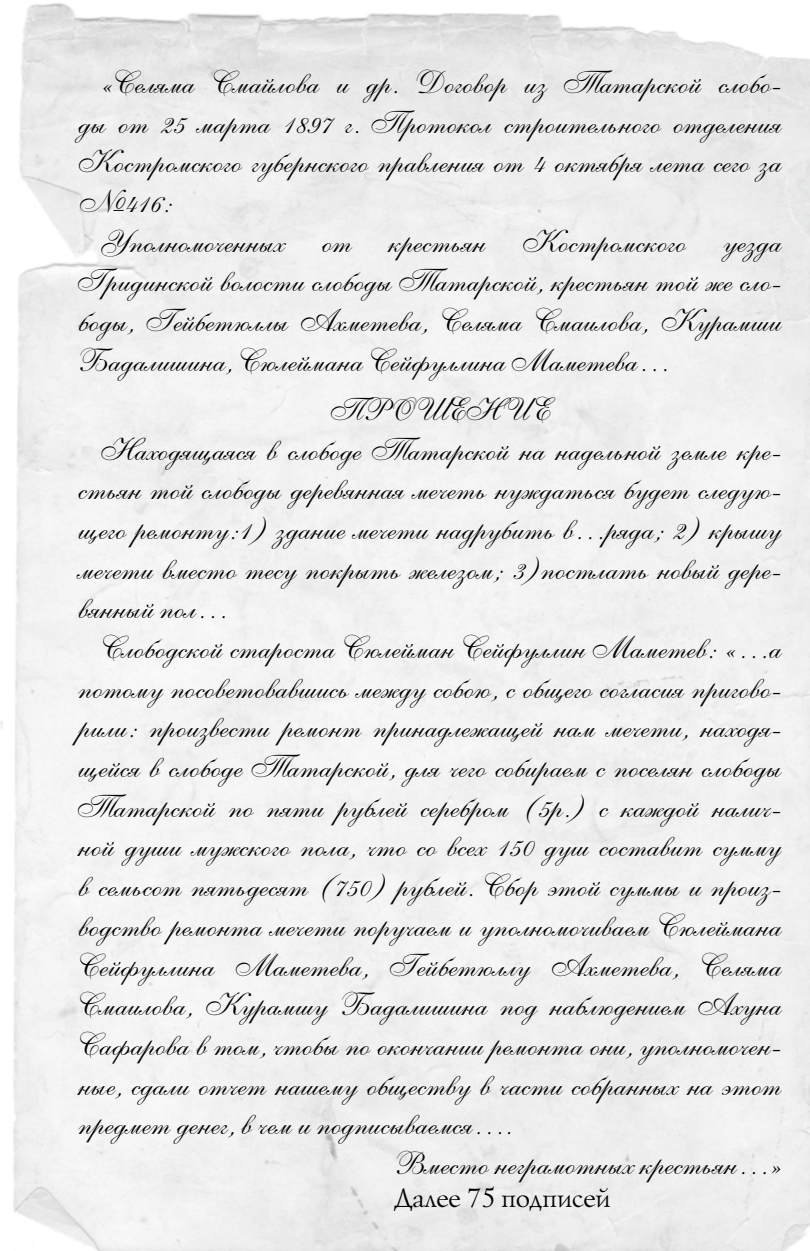
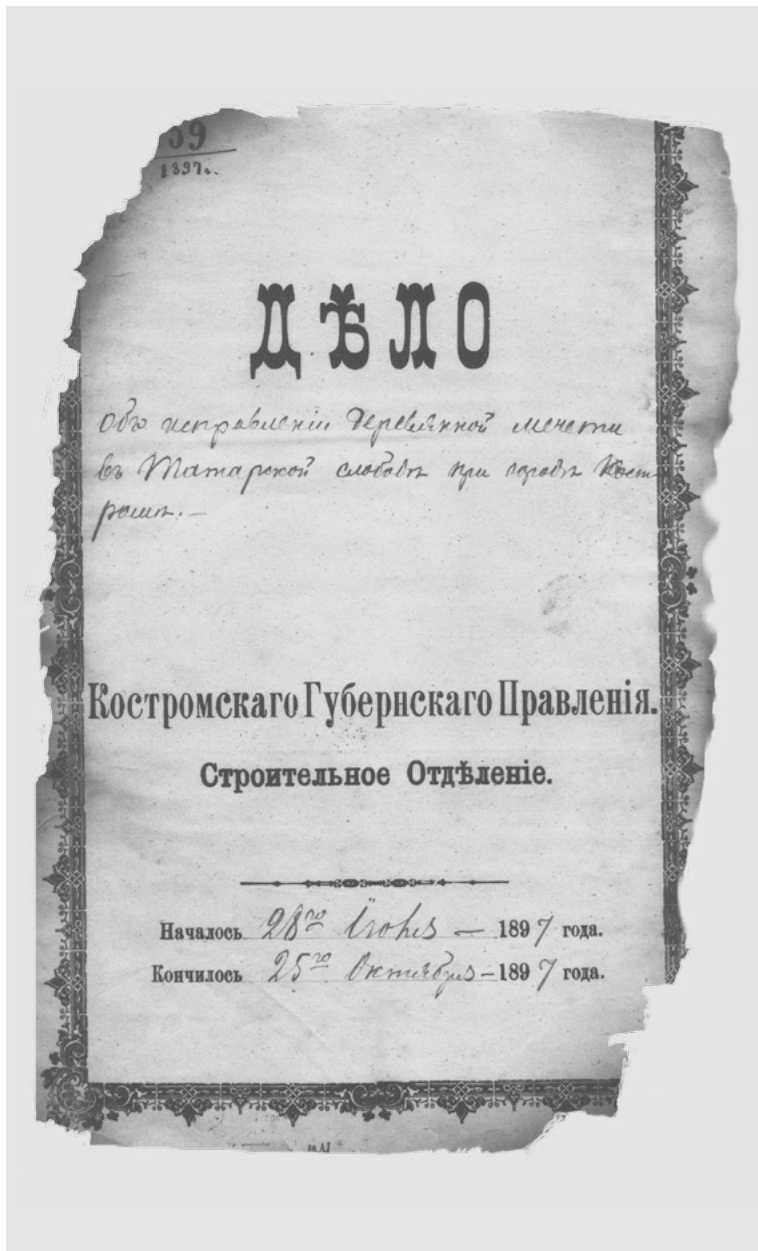
*С 4 на 5 число сего месяца Татарская слобода почти
вся выгорела, вместе с мечетью осталось всего 15 домов
уцелевшими... После пожара покорнейше просим Вашего
Превосходительства восстановить селение по новым
планам и прислать инспекторного чиновника для состав-
ления плана для нашего селения...»*

(ГАКО, Ф.134, оп.11, д.84).

При помощи властей, но главным образом благодаря трудолюбивым жителям слобода была, что называется, возрождена из пепла. Мечеть, как отмечалось в прошении старосты, в огне не пострадала, но также требовала ремонта. И вот в конце 19 века, через сто с лишним лет после постройки, она была значительно подновлена. В Государственном архиве Костромской области хранится «Дело об исправлении деревянной мечети в Костроме Костромского губернского Правления строительного отделения». Начато оно 28 июля 1897 года, закончено 25 октября того же года

(Ф. 137, оп 2).

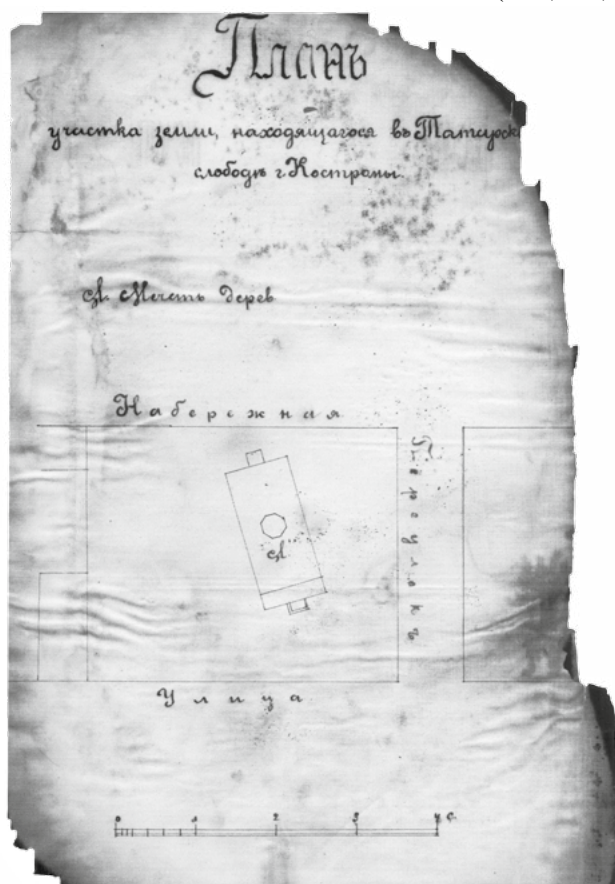

Имеется запись-подтверждение, составленная волостным писарем Богдановым и заверенная волостным старшиной Галактионовым:

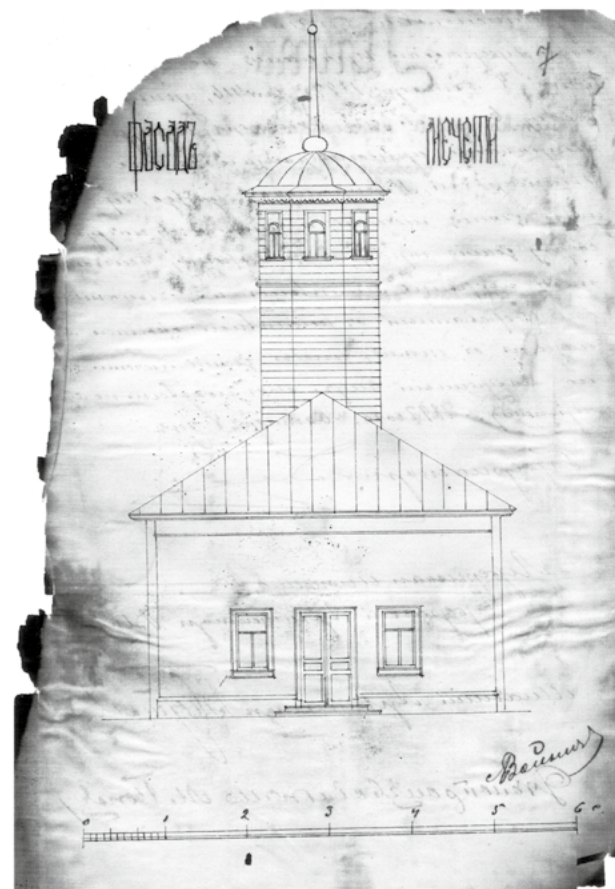
«...1897 года мая 23 дня приговор в Гридинском волостном правлении Костромского уезда явлен, по свидетельству оказался составленным правильно полным числом домохозяев, так как подписан крестьянами в числе 75 человек, а всего домохозяев в Татарском обществе состоит 76 человек, а потому приговор записан в книгу под № 46 подлинником»

(ГАКО, Ф137, оп.2, л.4).

Еще один документ — протокол Строительного отделения Костромского губернского Правления № 416 от 4 октября 1897 года:

«Уполномоченные от крестьян слободы Татарской Костромского уезда, крестьяне той же слободы: Гейбетулла Ахметев, Селям Смаилов, Курамша Бадалишин и Сюлейман Маметев поданным в губернское Правление прошением с представлением... существующей в этой слободе деревянной мечети

и планом местности ходатайствуют о разрешении исправить здание, а именно:

надрубить у здания три ряда;
крышу вместо тесу покрыть железом;
сделать новый деревянный с железною крышею минарет причем заявляют, что на такое исправление мечети Оренбургским магометанским Духовным собранием дано разрешение.

Рассмотрев представленный при прошении поименованных крестьян чертеж мечети и план местности совещание Присутствия Строительного отдела, имея в виду, что производить предложенные исправления...находится в расстоянии 8-11 сажен от строений, каково положение ее, несогласно Уставу строительному, но так как мечеть эта существует на этом месте с давнего уже времени, а с покрытием уже железною крышею опасность строения на случай пожара уменьшится, полагаю возможным разрешить просимое исправление существующего в слободе Татарской Костромского уезда деревянное здание мечети с тем, чтобы здание от этого имело наружный вид, как показано по предложенному чертежу.

Губернский архитектор
Младший архитектор
Сверхштатный техник»

(Подписи в документе неразборчиво).

(ГАКО. Ф.137, оп.2, №5792).

Духовное училище (медресе), построенное на средства казанского потомственного почетного гражданина, купца Апакова, просуществовало до революции 1917 года. Однако, по свидетельству современников, в 1880-е годы «у костромских татар разговорный язык был скорее русский, чем татарский. Многие из них говорили на родном языке не совсем уже правильно и с трудом. Дети владели им слабо, несмотря то, что в начальной школе (метюб) преподавали татарский литературный язык. В то же время костромские татары сохранили старинные имена. Татары с особым почтением относились к именам своих дедов и прадедов и «старались давать своим детям старинные имена».

В начале 20 века поднимался вопрос о строительстве в Татарской слободе начального училища. В Государственном архиве Костромской области (Ф.133, оп.2) находится «Дело по канцелярии Костромского губернатора по части 3 стола по прошению кандидата богословия Казанской Духовной Академии Михаила

Третьякова, ходатайствующего о разрешении открытия среди жителей пригородной Татарской слободы начального сельского училища», начато оно 11 июня 1901 года, закончено 4 декабря 1902 года. Вот один из документов этого дела:

«Его Превосходительству Костромскому губернатору кандидата богословия Казанской Духовной Академии Михаила Третьякова покорнейший доклад.

Честь имею покорнейше представить Вашему Превосходительству доклад-записку с решением вопросов о необходимости, возможности и значения открытия среди жителей пригородной Татарской слободы начального сельского училища. 1901 года, июня 9 дня...». В записке сообщается о замеченном им «у жителей Татарской слободы стремлений к обучению своих детей русской грамоте и началам арифметики». В деле также есть представление Костромскому губернатору земского начальника 2 участка Костромского уезда:

«Вследствие приложения от 22 августа сего года за №4925 имею честь представить Вашему Превосходительству с возвращением докладной записки кандидата богословия Михаила Третьякова об открытии в Костромской подгородной Татарской слободе сельского училища ведомства Министерства народного просвещения и отзыв и.д. Директора народных училищ Костромской губернии. Он сообщает, что сельское Татарское общество несогласно и решительно отвергает предложение об устройстве сельского училища детей этого общества под предлогом недостатка средств на участие в содержании такой школы, и вместе с тем находя для своих детей достаточным домашнее обучение счетоводству и русской грамотности, о чем 5 ноября мною составлен акт, который при сем представляется».

(ГАКО. Ф.133, оп.2, А.13517).

В указанном акте отмечается, что «русскому чтению и письму татары обучают своих детей сами, а равно и счетной части, и никакой особой школы с русским учителем им не нужно...Кроме того, многие члены общества не имеют средств, с трудом выплачивают подати и не могут согласиться на особый расход на школу. Выслушанный ответ сельского Татарского сельского общества постановляет записать в настоящий акт за подписью его членов... (следует 66 фамилий). Удостоверяет староста Татарского общества А.Р.Бильгильдеев, а по безграмотности прилагаю печать. Начальник 2 участка Костромского уезда Унков».

Матарквас: слобода Һ мечетб Һ Костромле

**ЗАНЯТИЯ
И ПРОМЫСЛЫ НАСЕЛЕНИЯ
ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ**

В конце XIX — начале XX вв. костромские татары были заняты в хлебопашестве, многие промышляли торговлей, рыбной ловлей, в городе на конных повозках занимались перевозкой грузов, были рабочими на пароходах. К концу XIX в. Татарская слобода расширилась, появились двухэтажные дома, строились роскошные конюшни. Особо зажиточными были семьи Женодаровых, Булатовых, Бильгильдеевых, Курочкиных, Сиушевых, Кыдыбердеевых.

Семья Маметевых имела несколько барж и буксирных пароходов, табун из 50 и более лошадей. Табун лошадей имел и другой зажиточный татарин — Исхан Космасов, торговавший кумысом из кобыльего молока.

Неудивительно, что костромской извозничий промысел в 19 веке из Ямской слободы перешел на другую сторону Черной реки — в Татарскую слободу. Татары любили лошадей, были трудолюбивы, отличались трезвым поведением, что для извозчика было немаловажным. Ежедневно большинство мужского населения Татарской слободы выезжало в Кострому на ломовую и легковую биржи, располагаясь в лучших местах города и развозя по нему и окрест на кибитках, экипажах и бричках товары, пассажиров, почту. Городская Дума совместно с полицией определяли им специальные места. Утверждались главные легковые стоянки извозчи-

ков: на Сусанинской площади, в начале Павловской улицы (ныне проспект Мира), у водонапорной башни (где ныне фонтан), в начале Русиной (ныне Советской) улицы, у паромных пристаней и перевоза. В ожидании клиентов выстраивались экипажи разных видов и конструкций — рессорные, с откидным верхом, с металлическими колесами и с резиновыми. Самыми дорогими были пролетки с надувными шинами, извозчики, работавшие на них, назывались лихачами. Правилами биржевой стоянки извозчикам предписывалось «вести себя прилично, не допускать игр и брани, стоять в порядке (ровно в ряду), не производить никакого шума и быть всегда в трезвом виде».

Перед отправлением на биржу извозчик должен был получить в городской управе промысловое свидетельство, а вместе с ним экипажный номер, табличку с таксой, экземпляр правил извоза, личную бляху. Одевались легковые извозчики по единому образцу — темный суконный кафтан с укрепленной на нем личной бляхой и шляпа с полями. Извозчики должны были «выжидать требования», им запрещалось «беспокоить публику своими предложениями». Бесплатно мог проехать по делу службы полицейский чин или в случае тревоги пожарный дружинник, рассчитывались они специальными марками. Конечно, встречались и «зайцы», чаще всего это была ребятня, любившая прокатиться тайком на запятках.

В праздничные дни, особенно во время масленичных гуляний, татарские лошади и сани заметно выделялись — красивым убранством, колокольцами и лентами, завитыми гривами и хвостами. Именно на таких экипажах, с такими бравыми извозчиками желала покататься праздничная публика, особенно ребятнишки. Далеко по округе разносился веселый звон бубенцов, лихое гиканье рулевых и радостный смех пассажиров.

Кроме лошадей костромские татары любили и ценили собак, занимались собаководством, именно в слободе на волжском берегу разводились знаменитые на всю Россию гончие. Вот что говорится об этом в «Полном руководстве по псовой охоте», составленном известным охотоведом П.М.Губиным в конце 19 века:

«Костромская гончая выведена в России, во времена довольно отдаленные, татарами-охотниками, от смеси русских прямогонных собак с ищейками, наполнявшими в те времена дворы каждого охотника-татарина Костромской, Ярославской и дру-

гих смежных губерний. В конце 30-х и начале 40-х годов псовые охотники еще продолжали посылать в те губернии, и преимущественно в Костромскую, как более обитаемую татарами-охотниками, за покупкою целых стай гончих нагоненных собак, как, например, помещики Тамбовской губ. П.Е.Мосолов, Ф.И.Богданов, В.И.Можаров, Нестеров и другие, которые неоднократно посылали за гончими собаками в Костромскую губ., а г.Мосолов — так тот никогда не держал более двух осеней у себя одной и той же стаи гончих, и потому ему постоянно приводили целыми стаями их из Костромы. Как именно произошла эта замечательная по гоньбе, установившаяся впоследствии порода гончих «костромских» собак, объясняют старинные псовые охотники, имевшие дело с костромскими охотниками-татарами, следующим образом.

В те времена, когда татары густо еще населяли Костромскую и смежные с нею губернии, много было из татар охотников-промышленников, и преимущественно ружейников, которые специально занимались охотой за разными зверями, со своими разного рода и вида ищейками, т.е. особого рода дворняжками-лайками, исполнявшими у них обязанности гончих собак, но которые, понятно, никогда не могли сравняться в гоньбе с настоящими со-

баками, а потому охотники-татары, слыша много о досуге русских прямогонных гончих собак (а быть может, и зная их) заказывали своим собратам татарам-торговцам (искрецивавшим в те времена всю Россию для торговли разными товарами) доставать, где возможно, «из сбывочных» в псовых охотах гончих собак для охоты с ними, а т.к. «в сбывку» по окончании каждой осени назначалось владельцам псовых охот очень много разного рода устаревших и вообще почему-либо негодных для езды собак, которые и поступали в собственность охотников-псарей, то татары-торговцы и выменивали их у прислуги (псарей) за бесценнок, а именно — за какой-нибудь платок ситцевый, фунт чаю или за несколько фунтов рыбы и т.п. и приводили их к себе в Кострому. Охотились с ними и ищейками на всяких зверей и держали их постоянно на свободе вместе со своими ищейками, на положении дворовых собак. Вследствие чего вначале, быть может, и случайно, оставляя щенят от русских прямогонных гончих со своими ищейками, татары-охотники добились очень хороших мешаных гонцов по всякому зверю. После этого уже татары-охотники обратили серьезное внимание на мешаных своих гонцов и стали выкармливать щенят (как волчат) в вырытых и огороженных ямах, по нескольку пометов вместе, образуя таким образом целые стаи однокорытников, собак по двадцати и более в каждой стае; а затем, начиная наганивать их с верным гонцом, отцом их или матерью, еще с шестимесячного возраста, они доводили в гоньбе этих собак до совершенства, таскаясь с ними по лесам чуть ли не каждый день. Вследствие чего с течением времени татары-охотники, совершенствуя породу своих гонцов и полевые их качества, дошли до того, что слава о породе костромских гончих сделалась известною повсюду...».

Известный ученый-статистик Е.Ф.Дюбюк в своей работе о зверовой охоте в Костромском крае также упоминает об охотничьих собаках, выведенных костромскими татарами:

«...необходимо отметить, что действительно татары из Татарской слободы, находящейся под Костромой, — едва ли не единственного татарского населения в пределах края — еще в конце 18 века занимались выкормкой не только гончих, но и борзых собак. На этот счет имеется вполне определенное указание в «Деле №1872». Там говорится, что «жители Татарской слободы (под Костромой) занимаются ловлей зайцев, которые (т.е.

жители) и собак борзых и гончих выкармливают в слободе своей и их продают». Возможно, что этим промыслом они занимались еще и раньше, до переселения в Костромскую губернию из Ярославской».

Во второй половине 19 века слободе принадлежало 296 десятин земли, из них 225 десятин пахотной и около 25 — сенокосной; остальная земля была непригодна для хозяйственных нужд. Леса не имелось. Посев состоял из ржи и овса, покос находился на расстоянии 20 верст от селения, под Харчевенскими перекатами на Волге, близ деревни Рылово.

Данные о земельных угодьях взяты из «Владенной записи Костромской губернии, Костромского уезда, Гридинской волости, слободы Татарской» за 1871 год (ГАКО. ф.138, оп.21, д.191). Там же прописаны обязанности слобожан: «За предоставленный в настоящее пользование крестьян земельный дол они обязаны вносить в указанные сроки Государственной подати: со всего селения двести шестьдесят девять рублей и тридцать с четвертью копеек (269 руб. 35 коп.)...Крестьяне слободы Татарской, живущие в общинном владении землю, ответственны порукою в исправном взносе в причитающихся с них оброчных подати. Апрель 2 дня 1872 г.»

В качестве бывших государственных крестьян костромские татары составляли к началу XIX века отдельное сельское общество, причисленное к Гридинской волости Костромского уезда Костромской губернии. По статистической переписи 1867 года в этом обществе числились 159 мужчин и 140 женщин, в 1874 году — 189 и 176 соответственно, в слободе было в это время 73 дома. Наблюдался рост как мужского, так и женского населения. К примеру, по данным метрических книг при мечети Татарской слободы за 10 лет, с 1868 по 1877 год, родилось 102 мужчины и 97 женщин, а умерло 30 мужчин и 32 женщины. За это время было заключено 28 браков и не произошло ни одного развода. Примерно такая же статистика и по другим десятилетиям.

Женщины Татарской слободы занимались мелочной торговлей нитками; на костромских базарах постоянно слышались их громкие, гортанные голоса. Для приготовления ниток они закупали пряжу сообща на местных льнопрядильных фабриках, потом делили между собой, белили и окрашивали в разные цвета. Занимались женщины и продажей кумыса из кобыльего молока.

Этот вид промысла также был распространен в слободе, интересно, что приготовлением его, по заказам горожан, занимался и сам имам Тухфатулла Сафаров. Зимних отхожих промыслов здесь не было, а летом татарки часто отправлялись в качестве спутниц со своими мужьями, промышляющими на волжских пароходах.

Близость слободы к Волге имела большое значение. До 10 человек татар владели баржами и тихвинками, по подрядам костромских торговцев перевозили хлебные и другие грузы, главным образом между Нижним Новгородом и Рыбинском. Особенно среди татар были распространены небольшие грузовые суда асламки, плававшие в прежние времена по всему Поволжью (название происходило от татарского слова аслам, что значило барыш). С 1881 года по Волге курсировал специальный наливной пароход «Татарин» товарищества братьев Нобель, который перевозил керосин, в том числе и для крупных костромских пароходчиков Черновых, имевших флот из 7 паровых судов и 50 баржей. Из Татарской слободы вышло несколько капитанов и лоцманов на буксирных и легких пассажирских пароходах, которые пользовались на Волге весьма высокой репутацией. Некоторые слобожане содержали в Костроме постоялые дворы, где гости могли услышать разные истории из жизни местных татар.

Старожилы Татарской слободы любили рассказывать такую байку, которая особым образом аттестует характер населяющих её жителей. Сразу же за Чёрной речкой жил шупленький кривоногий старик-татарин — Николай Дмитриевич Курочкин. На самом деле он был Муфреддин Бильгильдеевич, но для удобства при сношениях с православными назывался так, а как он стал Курочкиным, никто не знал. Сам Николай Дмитриевич полагал, что какой-то писарь переделал на русский лад татарскую фамилию ещё его деду.

В молодости он служил лоцманом, а когда его зрение ухудшилось, он стал водоливом, то есть старшим на барже, принадлежавшей известному в Костроме купцу и пароходчику Гордею Чернову, который стал прототипом главного героя романа Максима Горького «Фома Гордеев». Однажды в 1892 году после длительного кутежа Чернов сел на свою баржу, проходившую мимо Нижнего, чтобы для протрезвления проехаться до Костромы. Баржа шла до Рыбинска с грузом зерна из Балакова.

На барже Чернов, как это за ним водилось, проявил недовольство медлительностью одного из матросов, которому он отдал какое-то распоряжение, и начал бить его по лицу. Курочкин увидел это, немедленно приблизился к Чернову и закричал:

«Какое ты имеешь право здесь распоряжаться! Хозяин здесь, на ходу, я — водолив, а ты только пассажир. Вон сейчас же в каюту, чтоб на палубе и духу твоего не было! На первой же пристани я тебя ссажу, и поедешь на пассажирском. Вот когда я сдам в Рыбинске пшеницу, ты волен меня расчитать, а сейчас не ты, а я здесь хозяин, таков на Волге порядок!»

Чернов немедленно убрался в свою каюту и был высажен в Кинешме. Даже он не мог нарушать волжские традиции. Через две недели Курочкин явился с отчетом об окончании разгрузки, но Чернов не только не уволил его, но и дал ещё 25 рублей на чай, чтобы исчерпать инцидент.

А вот как вспоминает Татарскую слободу начала XX века костромской краевед Леонид Андреевич Колгушкин в своих мемуарах «Костромская старина»:

«Посёлок состоял из нескольких узких улиц, застроенных маленькими деревянными домами с двориками, отгороженными от соседей деревянными заборами. Было несколько двухэтажных домов, принадлежавших местным богачам. При каждом до-

младении имелись конюшни, коровники и сараи. Улицы были очень грязные даже летом, но в домах постоянно поддерживалась чистота и опрятность. У входа всегда стоял высокий медный кумган и таз для омовения. Этого мусульманского обычая все придерживались строго.

На самом берегу Волги стояла мечеть с невысоким минаретом, с которого каждое утро и вечер слышался протяжный голос муэдзина, призывающего правоверных к утреннему или вечернему намазу (молитве). Большое историческое прошлое имеет татарское кладбище. Некоторые сосны — прямые потомки той дремучей тайги, которая окружала Кострому в далёкие времена. Быть может, этот маленький островок деревьев когда-то сливался воедино с той дебрёй, от которой получила название улица Нижняя Дебря. Многие десятки поколений Татарской слободы обрели здесь вечный покой. Простые каменные надгробья и маленькие обелиски кое-где ещё сохранили надписи на татарском языке. Очень древних памятников на кладбище не сохранилось, так как за недостатком места старые могилы перекапывались.

Слобожане крепко держались и других обрядов, языка, религии, привычек и занятий своих предков. Даже национальные костюмы старались сохранить в том виде, в каком их носили 100—200 лет тому назад их предки. Мужчины надевали тёмные длинные поддёвки «в талью», покроя поповского подрясника. Головы гладко брили, усы и реденькие бородки оставляли. Даже дома они никогда не снимали тюбетейки, а выходя на улицу, прямо на неё надевали другой головной убор — шапку или какую-нибудь шляпу.

Женщины носили такие же поддёвки и сарафаны особого национального покроя. Платки повязывали, сгибая их под прямым углом, а не на угол, как принято у русских. В праздник ураза-байрам, по пятницам и в другие торжественные дни под платок надевали маленькую шапочку, расшитую мишурой и бисером. Пожилая женщина иногда носила чадру, т.е. белую накидку, которая закрывала её с головы до пят. Девушки вплетали в косы серебряные монеты и по праздникам надевали яркие шёлковые национальные костюмы, которые у некоторых переходили из поколения в поколение. Женщины почти не говорили по-русски, мужчины же, работая в городе, говорили по-русски, но с большим акцентом.

Борис Кустодиев. «Масленица»

В то время было принято каждого татарина, при обращении к нему, называть «князь», на что они никогда не обижались.

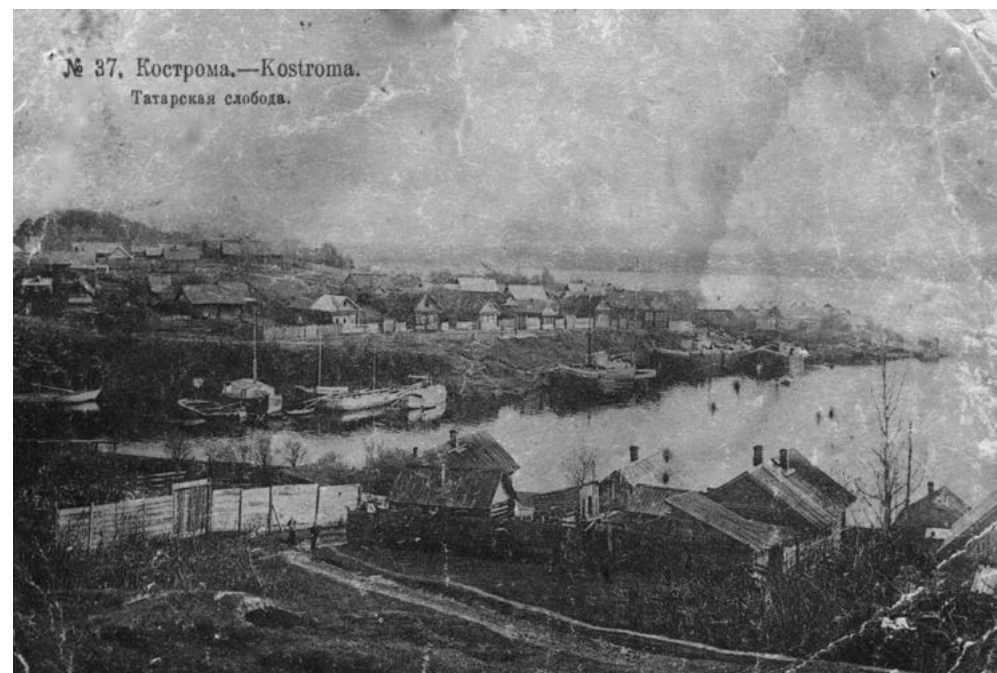
Между слободой и усадьбой «Васильевское» фабрикантов Зотовых земля принадлежала слободе, и многие из её жителей занимались хлебопашеством. Основная же профессия большинства мужчин была извоз. Они ежедневно выезжали в город на легковую и ломовую биржи. Многие, не имея своих лошадей, работали по найму у своих богатых соседей. Так, у одного из Маметевых было несколько десятков лошадей, и он эксплуатировал десятки своих однослобожан. Другой предприниматель, Космасов Исхан, имел несколько десятков кобылиц, изготавливал кумыс и торговал им в Костроме. У него также было много наёмных рук...

Были среди жителей слободы и хорошие волгари. Они работали матросами, водоливами, лоцманами и даже капитанами пароходов. Богач Маметев имел собственные баржи, и даже буксирные пароходы, на которых работали также его однослобожане. Почти у всех слобожан имелись свои лодки, которые служили не для праздничных прогулок, а для получения даров Волги. В то время как костромичи, выйдя на Набережную или Муравьёвку,

любовались величественной стихией — весенним волжским ледоходом, когда могучая река всё сметала на своём пути, ломая и унося прибрежные стройки и лесоматериалы, вливая свои воды в костромские улицы, иногда вплоть до Нижней Дебри, — у татар наступала самая горячая пора. С риском для жизни, соревнуясь в удалстве, они с лодок вылавливали плывущие дрова, брёвна, разбитые строения и прочее. Редко что-либо ценное проскальзывало мимо Татарской слободы.

Основная масса слободских татар отличалась трезвым поведением, примерным трудолюбием и честностью. Но они не любили приезжающих в слободу даже своих единоверцев. Браки совершались в основном между слобожанами. Редко принимали в семьи невесток из Казани и других татарских поселений. Браки с русскими не разрешались. Так предки учили их охранять чистоту своей веры, обычаев и установившуюся на протяжении веков обрядность».

Матарквал: слобода и Меретв & Костромле

ОБЪЯДЫ И ОБЫЧАИ СЛОБОЖАН

По переписи населения Российской Империи 1897 года (результаты обнародованы в 1903 году) в Костроме числилось 560 татар — 300 мужского и 260 женского пола (русских было 39303, евреев 531, поляков 513 человек). Интересно, что магометан по переписи было 582 человека (очевидно, 22 человека были другой национальности).

В Татарской слободе тогда имелось 86 домов.

В начале XX века в связи с индустриальным строительством в Кострому прибыли значительные группы татар из Казани и Казанской губернии, из Касимова и других мест. Численность татар быстро увеличивалась. Этому способствовал также приток татарского населения извне — из Пензы, Нижнего Новгорода, Оренбурга. Из этих городов назначали представителей духовенства и учителей, привозили невест. Мусульманское общество слободы становилось более открытым и образованным.

Зажиточность, богатство многих местных семейств сказывались и на красоте татарских обычаев и обрядов. Поглазеть на мусульманские праздники иногда съезжался люд из самой Костромы. Особенно всех привлекали свадьбы, а об невестиных уборах ещё долго потом шла молва по всей округе. Свадебная обрядность состояла из сговора, помолвки, девичника, парнишника, религиозного бракосочетания «никах» в доме невесты и свадьбы в доме жениха.

Невесте надевали на голову комплекс головных уборов — платок, налобник и покрывало. Платок повязывали под подбородком, так, что полотнище располагалось на спине. Поверх платка надевали высокое налобное украшение «битлик» на жесткой основе. Оно закреплялось при помощи узкой полоски ткани «жалкав», украшенной бисером или позументом, плотно охватывавшей подбородок. Поверхность «битлик» и «жалкав» украшали позументом, полудрагоценными камнями, вышивкой. Поверх «битлика» накидывали легкое короткое покрывало «бильгинец». Его края со стороны щек подтыкали таким образом, чтобы «битлик» оставался видимым. Костюм невесты красочно дополнялся нагрудными и шейными украшениями из монет и бисера «зур жага, кечкенэ жага». В волосы вплетали накосники «чэспав». Поверх платья, из шелка или парчи, невеста надевала парчовый «корсет» — длинный кафтан с рукавами.

Браки костромские татары заключали по мусульманским законам, но многоженства почти не существовало (за все время только один мулла имел двух жен), так же, как и разводов (за 30 лет был всего один). Незаконных рождений вовсе не значилось. Ежегодно рождалось в среднем 18 человек, умирало 6. Дети до 5 лет между умершими составляли 48,3% (в Костромской губернии вообще

Маметьева Зелиха (слева) с сестрой

Маметьев Алеи

56,6% — данные на 1880 год). Преждевременные браки были редки, чаще всего женились и выходили замуж после 20 лет. Ввиду численного перевеса мужского населения, костромские татары, как уже было сказано, часто привозили татарских девушек из других губерний, в основном из Казани и Касимова.

Оригинальными были и старинные национальные праздничные кушанья. В Татарской слободе до сих пор сохранилось много народных блюд, чтобы приготовить которые нужно определенное

мастерство. Татары готовили такие блюда, как «сюзмэ», «салма», «лэкшэ», «чумар», «боламык», «перемич», «умач», «азу», «катлама», «бурсак», «эльвэ». Пекли длинные пироги «берек» с мясом, высокие закрытые пироги «чирэб» или «таба бэлише» с мясом, пироги в горшке — «горшок бэлиш», готовили блюдо из желудка овцы, начиненного рисом и мясом. Пили чай (кугыт), кисломолочные напитки — «катык», «арьян», «язма», а по праздникам иногда употребляли медовуху — «бал», пиво «сора», брагу «буза». Пищу принимали сидя за столом, покрытым скатертью «суфра». Аналогичные кушанья и напитки были распространены у других групп волго-уральских татар.

Костромские татары, будучи мусульманами, строго соблюдали религиозные праздники — Ураза-байрам, Курбан-байрам. Весной проводили обряд «кзыл жомырка»: красили яйца в разные цвета и раздавали их детям, родственникам, знакомым. Они также отмечали Семик, во время которого устраивали на лугу вечерние гулянья, молодежные игрища, водили хороводы, пели русские песни под гармонию. В палатках торговали чаем и лакомствами. В гуляньях принимали участие и женщины. Они не закрывали свои лица, отличавшиеся, по наблюдениям путешественников, правильными чертами, имели оживленный вид и не казались приниженными и забитыми. Девушки в свободное от работы время, по вечерам, собирались на посиделки «этлешев».

Продолжительные и тесные контакты с русскими, особенно в начале XX века, заметно отразились на традиционной культуре. Произошла замена родного языка русским. Жилище представляло собой срубную избу северно-среднерусской планировки с русской печью, полатями, лавками. Влияние русской культуры нашло отражение в одежде и головных уборах, особенно мужчин. Они стали носить рубахи-косоворотки с черно-красной вышивкой на воротнике и приполке, жилетки, картузы. В рационе татар появились ранее не употреблявшиеся ими овощи — огурцы, капуста и способы их обработки. В свадебной обрядности от русских были заимствованы термины и такие обряды, как «рукобитье», «стояние на бане», «литки», «дарильный пир», «отзыв».

Эти и другие обычаи и обряды жителей слободы, а также их быт и нравы хорошо описаны в очерке В.Пирогова «Татарская деревня под Костромой» (1881 год):

«...Дома в Татарской деревне делятся у многих на две половины — белую и черную, или лицевую и заднюю. Первая состоит обыкновенно из двух комнат, убранных по городски — с диванами, креслами и иногда зеркалами и шторами; вторая имеет вид опрятной и светлой крестьянской избы, с лавками, перегородкой и белой пекарной печью. Последняя иногда помещается в особой, на тех же сенях, небольшой кухне. Дома более бедных состоят из одного отделения, во всем похожего на чистую крестьянскую избу. В 1873 году сгорела почти вся Татарская деревня и нельзя не сказать — «пожар способствовал ей много к украшению». Уцелело не больше десятка крайних домов, которые теперь составляют как бы грязный хвост деревни. Все прочие дома построены несравненно лучше прежнего...»

Восточная одежда татар значительно изменилась на русский лад; в последнее время более половины мужчин уже не бреет головы, а носит короткие волосы. Чаще всего можно заметить здешнего татарина только в серой, суживающейся кверху, катаной шляпе и виднеющемся из-под кафтана длинным воротником рубашки; в остальном обычный его наряд не представляет уже заметной разницы от местной крестьянской одежды. Тюбетейка, поверх волос, носится, впрочем, всеми, не исключая и мальчиков. Костюм женщин поддался русскому влиянию в меньшей степени: он состоит из цветного (иногда полосатого) платья с широкими рукавами, которое на четверть не доходит до низу, так что видны всегда белые чулки татарок, и из безрукавного, более короткого сравнительно с платьем, полукафтана. Последний, всегда гладкий, одноцветный, шьется из нанки, сукна или яркой шелковой материи. Замужние женщины носят высокий белый передник, который закрывает грудь и, застегиваясь сзади, спускается вниз до края платья. Обувь составляют белые чулки и так называемые босовики, похожие на низкие калоши. Цветная казанская обувь, с кисточками и каблуками, носится только в праздники, более богатыми...

Особенным разнообразием и яркостью нарядов отличается народное гулянье, которое бывает здесь в семик; по преданию, в этот день была основана деревня ее первыми поселенцами. Часу в пятом вечера на широкий луг (между кладбищем и Волгой) высыпают почти вся деревня, от мала до велика. Молодежь устраивает «круги» (хороводы) и поет песни — исключительно русские, шуму и крику, отличающих наши народные гульбища, здесь нет. Слышны гармоника, песня, говор, видны довольные лица, и только; все держат себя строго и чинно. Из города бывают на гулянье

«господа», мелкие чиновники и немногие из мецан. Выпить тут негде — «питейного» и «выставки» не существует; в холщовых палатках можно найти только чай, готовый самовар и лакомства. С закатом солнца все местное население возвращается в дома, на улице остаются немногие, и гости волей-неволей выби-
раются из «Татарской»...

Кстати заметить, здешние женщины вообще имеют оживлен-
ный вид и далеко не кажутся приниженными и забитыми; на го-
родской улице и с незнакомыми они держат себя ровно и спокой-
но. По наблюдениям профес. Богданова, посетившего Кострому
летом 1877 года, «большинство детей очень красивы и многие
представляют правильные черты лица. Попадают также до-
вольно красивые и правильные лица между молодыми женщина-
ми, кои не закрывают своих лиц и очень хладнокровно прини-
мают рассматривание посторонних. У мужчин нельзя сказать,
чтобы физиономии были красивы, и они часто имеют выдающи-
еся скулы, редкую бороду и другие признаки, придающие их физи-
ономии своеобразный тип...

Похоронные обряды совершаются согласно магометанскому
закону. Женщины провожают умерших только из дома, вход на
кладбище им не дозволен. Семейные разделы составляют исклю-
чение: после смерти главы семейства семья остается в прежнем
составе и делит после умершего только оставшиеся вещи. Более
серьезные споры между татарами решаются муллою или сходом
домохозяев; в обоих случаях решение признается окончатель-
ным. Дела у мировых судей встречались только в самое послед-
нее время, по разным взысканиям между татарами и русскими.

Преступления и проступки редки; с 1849 года нынешний имам
помнит только два случая уголовного суда и ссылки...».

Были у татар и русских и похожие обряды. Вот что сообщает нам
«Живописная Россия» (т.6,ч.2) за 1899 год:

« В среду на масляной приезжают в город из деревень все «мо-
лодые», т.е. поженившиеся в эту зиму, и утром на одной из ба-
зарных площадей Костромы выстраиваются в круг, называемый
«столбом». Хотя этот обычай «показываться» уже и начина-
ет мало-помалу выходить из моды, тем не менее, еще не одна
сотня новобрачных является к «столбу»: на людей посмотреть
и себя показать всем своим родственникам, знакомым и всему
гуляющему люду и таким образом всенародно объявить о состо-
явшемся браке.

Стояние у «столба» продолжается часов около 2-х в безмолв-
ной тишине со стороны «показывающихся» и в пересудах со сто-
роны смотрящих и разбирающих все по ниточке родственников,
знакомых и досужих людей. Отстоявшие свое время, новобрач-
ные расходятся по трактирам гулять и обедать. Обычай этот
исполняется не у одних только русских, но и у татар, по крайней
мере, в нашей местности. Так, например, тут же на площади,
только в другом месте, совершенно отдельно, устраивается та-
тарский «столб», который уступает русскому в многочисленно-
сти, но превосходит его богатством, роскошью...».

Еще раньше Пирогова и корреспондента «Живописной России»
особенности жителей Татарской слободы отметил известный пи-
сатель и драматург Алексей Потехин в очерке «Путь по Волге в
1851 году»:

« Любопытен этот бедный обломок, который уцелел и дер-
жится, не распространяясь и не уменьшаясь, среди народности,
совершенно ему чуждой. Замечательно, что в продолжение мно-
гих веков этого близкого соседства элемент татарский так све-
жо сохранился не только в языке и costume, но и в быте, в на-
ружности и домашних обычаях. При всем этом татары слободы
часто в весьма приятных и беспристрастных отношениях с
костромскими горожанами, и вам нередко бы удалось слышать
самую задушевную беседу между ними где-нибудь на лавке у во-
рот постоянного двора или в трактире за тремя парами чаю...
Татарская сосновая роца есть любимое место прогулок костро-
митян низшего класса».

Здесь же, на берегу Волги, находится мусульманское кладбище
Костромы, о котором уже упоминалось в воспоминаниях Леонида
Колгушкина. Основано оно было очень давно (на памятной доске
при входе на кладбище указана дата — 1151 год), но древних па-
мятников либо оград не сохранилось. Ранее над могилами богатых
татар сооружали дюрбе, погребение огораживали по периметру
невысокой кирпичной стеной с навершиями по углам. Три ста-
ринных дюрбе из красного кирпича, сооруженные в конце 19 —
начале 20 веков, к началу 21 века находились в полуразрушенном
состоянии. На мусульманском кладбище захоронены не только
жители Татарской слободы, но и представители других националь-
ностей, а также пленные турки-мусульмане времен Первой миро-
вой войны, умершие в Костромской губернии.

Матерская слобода и Меркуш & Костромле

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

В 1916–1918 гг. в Костромской губернии находилось 246 офицеров и 219 нижних чинов военнопленных турецкой армии, в т.ч. непосредственно в самой Костроме — 83 офицера и 80 нижних чинов. В документах упоминаются врач лазарета г. Битлис (восток Турции) полковник Челяби Мустафа, мулла 10-го пехотного полка Абдурахман Абдулла, капитаны Сулейман Бажан и Али Риза Гасим, поручик Хасан Хамид и другие. Военнопленных турок местные мусульмане Татарской слободы брали под свою ответственность, приглашали к себе в гости на выходные и в праздничные дни.

Среди них был один пленный, о котором просто необходимо рассказать подробней. Это Саид Нурси, выдающийся мусульманский богослов, огромное литературное наследие которого — комментарии и пояснения к Корану, главной святыне мусульман, — переведены с арабского на многие языки мира.

Для Нурси, как и для многих других мыслителей того времени, такие достоинства, как приверженность конституции, как представительное правительство, совещательность и главенство закона соответствовали исламу и являлись неотъемлемой частью восстановления исламской цивилизации после Первой мировой войны.

Несмотря на борьбу за демократические ценности, дело, которым занимался Нурси, было не политическим, а просветительским. Он разъяснял людям из разных слоев мусульманского общества многочисленные преимущества конституционализма, основывал в Турции новаторские образовательные учреждения, обновлял учебные программы изучаемых дисциплин. Огромное значение в своих трудах он придавал образованию и нравственному возрождению человека. В мечети Татарской слободы Нурси, по воспоминаниям пленных офицеров, писал свои философские труды, пытаясь спасти мир от лжи, насилия, безверия.

Человек, как и дерево, имеет корни. Разве можно поставить ему в вину его корни? И цепь поколений, которая сильнее многих других уз? Удивительным образом и факт пленения, и то, что турецкий подданный Саид Нурси оказался в слободе под Костромой, где ему разрешено было жить в мечети, и то, что слободские татарки приносили ему пищу и теплые вещи, — всё это отразилось в творчестве этого уникального человека.

Вот строки из воспоминаний самого Нурси. Цитируется по книге его биографа, переведённой на русский язык.

«Во время Первой мировой войны я был пленным, меня отправили в далекую Костромскую губернию на севере России. Там была небольшая татарская мечеть, которая стояла на берегу знаменитой реки Волги. Я часто утомлялся в компании моих друзей, других офицеров. Я жаждал одиночества, но не мог бродить по округе без позволения. Татарская община, поручившись за меня, взяла меня в эту маленькую мечеть на берегу Волги. Обычно я лежал в мечети в одиночестве. Приближалась весна. В эти чрезвычайно долгие ночи северной земли я очень часто не мог заснуть и лежал без сна. Грустный плеск Волги, унылый звук капель дождя, печальное веяние ветра в те темные ночи на безутешной чужбине временно пробудили меня от глубокого сна беспечности. Тогда я еще не считал себя старым, но каждый, кто пережил мировую войну, — стар. Те дни делали стариками даже детей, как будто подтверждая аят: «От того Дня, который детей сделает седыми...» (Коран, 73:17). Тогда мне было сорок, но я чувствовал себя так, словно мне было восемьдесят. В те долгие темные ночи на унылой чужбине в моем скорбном положении жизнь казалась мне безнадежной, а родина — недостижимой. Я смотрел на свою беспомощность и одиночество, и надежда покидала меня. И тогда в том моем состоянии мне на помощь пришел Мудрый Коран. Мои уста произнесли: «Достаточно нам Аллаха. Он — прекрасный доверенный!» (Коран, 3:173). Мое сердце вскричало в слезах: «Я — на чужбине, я одинок, слаб, бессилен. Я прошу Твоей милости, я прошу Твоего прощения, я прошу Твоей помощи, о мой Бог!» Я вспомнил о своих старых друзьях на родине, представил себе, что умираю на чужбине, и тоска моей души, ищущей друзей, вылилась в этих строках Ниязи Мисри:

Оставив горести мира,
Расправив крылья в пустоту,
Взлетая, каждый миг с тоской взывать я буду:
«Друг, друг!»

Но как бы там ни было, в той печальной, унылой, окрашенной разлукой, долгой ночи в чужом краю мои слабость и бессилие стали таким сильным заступником и средством спасения перед обителью Господа, что я до сих пор не перестаю удивляться. Потому что спустя несколько дней самым неожиданным обра-

зом, преодолевая расстояние длиною в год пешего пути, один, не зная русского языка, я совершил побег. Я спасся чудесным образом с помощью Божьей Милости, оказанной мне от моей слабости и бессилия. Через Варшаву и Австрию я добрался до Стамбула, — настолько легкое спасение было просто чудом. С необыкновенной легкостью и простотой завершил я этот долгий путь бегства, который не смогли завершить самые смелые и хитрые люди, знавшие русский язык. Но состояние, пережитое мной в ту ночь в мечети на берегу Волги, заставило меня принять решение провести остаток своей жизни в пещерах. Хватит уже вмешиваться в эту людскую общественную жизнь. Поскольку в могилу я сойду один, сказал я себе, то с этого момента я выбираю одиночество, чтобы привыкнуть к нему. Но, к сожалению, многие мои близкие друзья в Стамбуле и тамошняя блестящая мирская жизнь и другие пустые вещи, как, в частности, оказанные мне почести и слава, которые были гораздо больше, чем я того заслуживал, заставили меня позабыть на время о моем решении. Та темная ночь в чужом краю словно была прозорливым черным зрачком в глазах моей жизни. А сияющий белый день Стамбула для глаз моей жизни был подобен слепому белку, не способному видеть дальнейшее, и они снова уснули...»

История пребывания Саида Нурси на костромской земле, описанная его биографом, содержит неизвестную краеведческую информацию и сама по себе может быть интересна самому широкому читателю, желающему открыть неизвестные страницы истории Первой мировой войны. Оказывается пленных турок сначала отправили в городок Кологрив, «в большой лагерь в пустынном северном районе», затем, спустя какое-то время, Нурси перевели в город Кострому.

Обратимся далее к источнику. «Именно здесь он провел большую часть своего плена. Некоторые из пленных, заключенных вместе с ним в лагере, рассказывают о нем и его деятельности. Как командир полка, он пользовался определенным авторитетом и использовал его, чтобы обеспечить военнопленным свободу исповедания своей религии. Мулла добился для них права совершать все пять ежедневных молитв (намаз), которыми он руководил в качестве имама... Вокруг него собиралась группа приблизительно из девяноста офицеров, которым он давал дерсы (уроки, религиозные наставления). Условия в лагере были трудные, особенно в период долгих, темных и очень холодных зим, и он таким образом пытался поддерживать моральный дух военнопленных».

Мустафа Ялчин, однополчанин Нурси, тоже содержащийся в плену в лагере, размещенном в Татарской слободе, в своих воспоминаниях о том, как однажды туда привезли Нурси, пишет следующее: «... Нам сказали, что прибыли пленные с Восточного фронта. Мы все с интересом собрались во дворе. Заключенных было много, но двоих привели с другой стороны и держали под строгим наблюдением. Я посмотрел туда и вдруг увидел, что это были мулла Саид и один из его учеников, которого мы называли Изникли Осман. Он нес что-то вроде дорожного сундука с книгами Учителя. Никого кроме Османа не подпускали к нему. Осман был его помощником. Было очень холодно. День не отличался от ночи. Солнце не заходило. Мулла Саид не бездействовал даже ночью. Несмотря на запрет, вечерами он часто ходил и читал заключенным книги. А днем лично вел наши молитвы. До этого нам мешали и не позволяли совершать их. Но Учитель поговорил с ними, и нам предоставили свободу. Они не хотели, чтобы множество людей собиралось вместе одновременно. Мы обычно называли Нурси Главой религиозных дел. Он объяснял религию даже русским охранникам. Офицеры ругали каждого охранника, кто слушал его. Мулла Саид всегда поднимал наш дух. «Не бойтесь, — говорил он, — мы будем спасены». По-моему, он там ночью не спал. Обычно он читал, делал какие-то заметки, а нам говорил: «В будущем эти люди тоже станут мусульманами, но сейчас они еще не всё понимают». Пока он был с нами, мы тоже не испытывали ни страха, ни печали...»

Далее Мустафа Ялчин пишет о том, как однажды ночью он убежал вместе с группой из семнадцати заключенных. Нурси не захотел присоединиться к ним... Днем и ночью он занимался делами

ислама. Обычно он говорил: «То, что нужно, — это вера (иман) в Бога» и «Вера в Бога (иман) стоит всего».

Весной 1918 года Нурси, воспользовавшись хаосом и беспорядками, наступившими после большевистской революции, сумел бежать из Костромы. В более поздние годы он очень эмоционально описывал свое «временное пробуждение» в сумраке зимних дней, предшествовавших его побегу, и почти магическую легкость, с которой был осуществлен этот побег.

Ещё недавно в Татарской слободе была жива татарка Айша-апа, которая восьмилетней девочкой наблюдала за Нурси в окне или дверь мечети, стоявшей на берегу Волги. *«Айша Абдулловна Сиушева, по ее словам, жила у мечети и наблюдала за «полковником» каждый раз, когда он там молился, — пишет биограф Саида Нурси.- В мечети он носил тюрбан (чалму) и джуббе (чапан). На улице надевал татарскую меховую шапку»*.

Биографы отмечают, что у Нурси сложилось особое отношение к татарам. Об этом свидетельствует Абдулвахид Табакчи, который познакомился с Нурси в 1951 году. Нурси, узнав о том, что предки Абдулвахиды — кавказцы и татары, сказал:

«Я молюсь за татар пять раз в день. Когда-то в плену, в Костроме, две пожилые женщины-татарки помогли мне — приносили мне еду, передавая через маленькое окошко [мечети]. Возможно, они стали причиной моего спасения и написания книг Рисале-и Нур. За всех татар я молюсь пять раз в день».

(Раскрытие сокрытого (Футух аль-гайб).- Москва. ИД «Ансар». 2008).

Вид на татарскую слободу со стороны костромского кремля. Нал. XX века.

В первые послереволюционные годы костромские татары пытались найти общий язык с новыми властями. Так, в 1918 г. Совнаркомом народного хозяйства Костромской губернии был зарегистрирован устав Мусульманского извозо-промышленного товарищества, учредителями которого были мусульмане Татарской слободы – **Измаил Назиров Булатов, Баймет Назиров Булатов, Файзулла Гайнутдинов Булатов, Алей Бадамшин Булатов, Мухамед Даудов** и другие.

Позднее был учрежден Мусульманский сельский Совет Гридинской волости Костромского уезда, он существовал до середины 1930-х годов. Но уже с конца 1920-х гг. в стране развернулась широкая антирелигиозная кампания, укрепившаяся советская власть начала наносить удары по религиозной жизни вообще и мусульманской общине в частности. В марте 1929 года выселили из квартиры, предназначенной для имамов, муллу **Рахманкулова**. Вот что писала газета «Северная правда» от 28 марта 1929 года в заметке «Выселение муллы из бесплатной квартиры»:

«В Татарской слободе новый состав сельсовета возбудил ходатайство перед судом о выселении местного муллы, который до сего времени проживал спокойно в общественном доме и за пользование квартирой не платил ни гроша в течение двух лет.

Нарсуд иск сельсовета удовлетворил, постановил мулле выбраться в две недели и уплатить за прожитое

время 260 рублей. Узнав о приговоре, зажиточная часть населения слободы взвела от злости, подала жалобу, но жалоба оставлена без удовлетворения.

Не найдя поддержки у суда, вся эта свора с пеной у рта кроет теперь сельсовет и ячейку, и отдельных партийцев и комсомольцев. Х. Булатов».

Однако изгнание муллы и временное бездействие мечети было только частью большого дела по её полной ликвидации. В начале 1930 года в слободе прошли собрания с повесткой дня о судьбе мечети, на которых большую активность проявили местные комсомольцы. Одному из них, члену сельсовета товарищу Маметьеву предоставили слово на страницах «Северной правды»: «Мечеть теперь крепко закрыта, и откроем ее только мы, комсомольцы, для того, чтобы превратить в дом культуры и отдыха. Это будет наша крепость, откуда мы поведем еще большую борьбу против бытовых предрассудков и запрещений, налагаемых кораном».

В феврале 1930 г. была закрыта мечеть в Татарской слободе, которая далее использовалась как изба-читальня и клуб; минарет был сломан (окончательно мечеть снесена в 1953 году, после чего мулла Рахманкулов умер). Дело о закрытии мечети рассматривалось на достаточно высоком уровне, о чем сообщает нам следующий документ:

«Выписка из протокола № 50 заседания Президиума Костромского Окружного Исполнительного комитета от 21-22 февраля 1930 года.

Слушали:

25. Ходатайство Костромского Райисполкома о закрытии мечети в слободе Татарской.

Постановили:

Учитывая, что ходатайство Костромского Райисполкома имеет под собою особое желание большинства трудящегося населения Татарской слободы передать помещение мечети под использование для культурно-просветительских целей, в частности для организации в ней избы-читальни, отказ самой общины от пользования мечетью как молитвенным домом, что слобода действительно не располагает помещениями, могущими быть использованы для удовлетворения культурных потребностей населения, постановили: ходатайство Райисполкома удовлетворить, мечеть как таковую ликвидировать, обратив ее под избы-читальню. Сельсовету предло-

жить составить план переоборудования, сметы потребных на эту цель средств».

(ГАКО. Ф.371, оп.1, д.383).

Трудно поверить в то, что сама община отказалась от пользования мечетью, но тогда многие вопросы решались обманом и по пресловутым «просьбам трудящихся». Вот еще одна публикация в газете «Северная правда» от 31 декабря 1929 года (в новогоднем номере!) под весьма выразительным заголовком «Бетонщики просят отдать церковь Стефана Сурожского Татарской слободе под школу»:

«Собрание 100 бетонщиков и подвозчиков гравия первой смены на постройке моста обсудило заметку, помещенную в «Северной правде» о том, что группа отсталых рабочих по наущению чуждых элементов травит рабочих-татар и пытается разжечь на постройке национальную вражду среди рабочих. Рабочие приняли резолюцию:

«Национальная рознь была угодна царскому правительству, как средство притупления революционной борьбы рабочего класса. В наших рядах нет места врагам пролетариата, пытающихся посеять

среди нас эту рознь. Это кулаки, которые пролезли работать на постройку, являются разжигателями грязного дела. Мы заявляем, что каждый честный рабочий — русский ли он, татарин ли, еврей, поляк — наш брат. Нет у нас разных религий. И ни одной религии. Мы просим Горсовет закрыть церковь Стефана Сурожского и передать ее Татарской слободе под школу. А чтобы освободить ее поскорее от «божественного хлама», просим привлечь в помощь нас».

* * *

Такого рода резолюциями пестрят газеты конца 20-х — начала 30-х годов 20 века. Власти искали «врагов пролетариата», а затем и «врагов народа», которые якобы «сеяли рознь и травили рабочих-татар на постройке» (речь идет о строительстве железнодорожного моста через Волгу, который был сдан в 1932 году). А на самом деле именно власти сеяли рознь, когда отбирали у мусульман мечеть для читальни или передавали православный храм под школу. Рознь межнациональную и религиозную, впрочем, для новых хозяев страны в ней уже не было «ни одной религии».

В общем, с 1930 года костромские мусульмане были лишены возможности иметь молитвенный дом, открыто общаться со своими единоверцами, услышать мудрое слово духовного настоятеля. Но местные татары не забывали о своей религии, в домашних условиях соблюдали ее предписания и обряды, следовали мусульманской морали, учили молитвам детей. В начале 1930-х годов в Кострому из Казани приехал Шакир-мулла со своей семьей. Он занимался религиозной деятельностью среди татар слободы, а его жена и сестра преподавали основы ислама. Сохраняли татары и свою национальную культуру. Так, в 1936 году в Костроме был создан хор «Промартели», который был участником Всесоюзного смотра художественной самодеятельности в Москве. Солистка хора **Сиушева Айша Абдулловна** прожила большую творческую жизнь, в 2000 году в связи с 95-летием она получила поздравление от президента Татарстана Минтимера Шаймиева, а в марте 2005 года костромичи поздравляли старейшую жительницу города со 100-летним юбилеем.

Сиушева А.А.

Надо сказать, что в суровое время 20-30-х годов 20 века в Костроме находили приют и татары из других мест нашей страны, лучше всего об этом сообщают живые свидетельства очевидцев. Вот одно из них — рассказ **Хайрутдиновой Биби-Хадер Ахмадуловны**, записанный редактором газеты «Ислам» Анвером Валиулиным:

«Отец и мать жили в казанской деревне. В голодные годы они остались сиротами. В 1921 году, спасаясь от голода, они приехали в Кострому. Здесь они поженились. Нас было пятеро детей. Мама не работала, а занималась домохозяйством, папа работал в «Промартели». Когда началась Великая Отечественная война, он с обозом лошадей уехал на фронт и не вернулся. Также на вой-

ну забрали и брата, который погиб. Семья осталась без мужской руки. Мы сами работали, как могли. Ловили рыбу, заготавливали траву, собирали ягоды. В 1954 году я вышла замуж, родила двоих детей, работала в «Сантехмонтаже». В советские годы мы не забывали свою культуру и религию. Вместе отмечали советские и наши мусульманские праздники, соблюдали пост, собирались вместе молиться...».

А вот что рассказывает **Маметьева Рахия Якубовна**:

«Предки мои приехали в Кострому из Татарии. Родители жили в Татарской слободе, до революции они занимались частным извозом. Затем работали на судомеханическом заводе — спускали катера на воду. В годы Великой Отечественной войны отец и братья были на фронте, после войны они вернулись домой. В 1950-е годы я вышла замуж, родила двоих детей. Сама до пенсии работала бухгалтером на химзаводе, получала награды за свой добросовестный труд. Муж также всю жизнь работал на заводе автоматических линий. Не забывали наши мусульманские традиции, справляли свои и советские праздники и все годы жили дружно. Никогда не было никаких конфликтов, уважали все друг друга...».

Заметим общее в обоих рассказах: соблюдали мусульманские традиции, отмечали общие праздники, всегда жили дружно.

После закрытия и разрушения мечети основную консолидирующую роль в жизни мусульманского общества играли неофициальные имамы Костромы советского времени, которые вплоть до 1990-х гг. на частных квартирах возглавляли коллективные намазы, проводили меджлисы, организовывали похороны по мусульманским обрядам. Одними из первых неофициальных имамов были **Кыям Замалетдинов**, который в 1937 году вместе с семьей переехал из Татарстана в Кострому, где работал на прядильной фабрике и нелегально занимался религиозной деятельностью, и **Шаймардан Зиганшин**, приехавший также из Татарстана в середине 1940-х годов и работавший на льноткацкой фабрике. Весомым, хотя и не декларируемым аргументом членов мусульманского общества перед властями в их поисках возможности

нелегально сохранять религиозную обрядность, являлось активное участие костромских мусульман в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 307 костромских татар внесли свой вклад в победу над фашизмом. В боях за Родину отдали свои жизни более 500 татар-мусульман, их имена остались навечно в областной «Книге памяти». В военных событиях участвовали целые роды — Билигильдиевых, Булатовых, Женодаровых, Маметьевых, Шарифутдиновых, Сиушевых и многих других. Среди вернувшихся с войны героев были татары, которые стали затем неофициальными имамами мусульманской общины Костромской области и Костромы, в их числе **Ибрагим Гимальдинович Гимальдинов**, **Латын Гафарович Заборов**, **Нурмухаммад Шаймарданович Шагимарданов**, **Абдрахим Касимович Касимов**. Эти уважаемые люди, ветераны Великой Отечественной войны, уже умерли и похоронены на мусульманском кладбище Костромы.

Об одном из ветеранов-победителей писал в своих воспоминаниях о Костроме и костромичах известный юрист, офицер запаса Александр Викторович Лаговский, которому в 1941 году было поручено формирование в нашем городе отдельного пятиротного транспортного батальона:

«Пока я находился в батальоне, у меня был ездовым татарин Якуб Измаилович Кадыбердеев, а его брат Алей — ездовым у начальника пункта. Замечательно дисциплинированные, прекрасно знающие лошадей, неподкупно честные и чистоплотные люди, жаль было расставаться с Якубом, когда его с остатками батальона отправили на фронт. По окончании войны он благополучно возвратился в Кострому в свою Татарскую слободу. Показательно, что оба Кадыбердеева не привезли из Германии никаких трофеев, хотя бы зажигалки или пустяковой ленточки, так как брезговали имуществом немцев. А вот целая квартира одного моего знакомого врача, теперь уже покойного, не в обиду будет ему сказано, обставлена мебелью, привезенной от немцев.

С этими татарами мы и теперь знакомы семьями. Как-то в «Роман-газете» я прочитал в переводе с татарского «Белые цветы» Абдурахманова. Вещь эта мне понравилась, и я, желая порадовать своих друзей Кадыбердеевых, выписал из Казанского издательства этот роман на татарском языке. И в какой-то праздник преподнес Кадыбердеевым эту книгу. Они растрогались, но оказалось, что читать татарский текст может, и то едва-едва, только одна хозяйка, Магира Муфтиевна, хотя говорят они по-татарски свободно».

Матарекъаџ сџобода к Меретџ в Костромџ

Матарекъаџ сџобода к Меретџ в Костромџ

ВОЗРОЖДЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

С началом демократических преобразований в стране возобновилась и деятельность религиозной общины, костромские мусульмане начали добиваться ее регистрации и предоставления молитвенного помещения. Городские власти пошли мусульманам навстречу. В апреле 1992 года в отделе юстиции г. Костромы было зарегистрировано Мусульманское религиозное объединение (МРО), председателем которого стал Мансур Хайруллович Хайрутдинов (интересно, что в свое время он работал киномехаником в клубе, который открылся в здании бывшей мечети). Первым имам-хатыбом мечети г. Костромы 12 апреля 1995 года председателем ДУМЕР муфтием Равилем Гайнутдином был назначен Измаил Минигараевич Хайрутдинов. Три года, до своей смерти в 1998 году, он обучал более молодых представителей мусульманской общины основам ислама. В это время делаются новые попытки добиться разрешения строительства мечети.

В 1994 году Мусульманское религиозное объединение возглавил Хасан Салихович Зарипов. Инженер-строитель по профессии, он стал главным организатором проектирования и строительства новой мемориальной мечети. Хасан Салихович являлся также ру-

*ул. Советская. фото 50-х гг.
(слева - гостиница «Кострома», за ней - клуб «Ременная тесьма»,
справа - будущая пл. Конституции)*

Зарипов Х. С. и первый президент Татарстана М. Ш. Шаймиев

ководителем Региональной национально-культурной автономии татар Костромской области и членом исполкома Всемирного конгресса татар. Заметим, что дедушка его, Зариф Сиддинович Сиддиков, много лет был неофициальным имамом Костромы, вел мусульманский календарь и учет всех событий, происходивших в Татарской слободе, зафиксировал снос в 1953 году Костромской мечети.

А борьба костромских мусульман за право иметь свой молитвенный дом продолжалась. Администрация города 7 декабря 1995 года предоставила членам МРО ветхое здание бывшего клуба фабрики «Ременная тесьма». Здесь, после проведенного собственными силами общины ремонта, и разместилась Костромская мечеть. С этого времени в ней проводятся общие богослужения, исполняются религиозные обряды.

Религиозная жизнь заметно активизировалась после приезда в город по направлению ДУМЕР молодых имам-хатыбов Табриза Нурутдинова и Марата Желялетдинова. Открыто, в частности, медресе, слушатели которого изучают арабский и татарский языки, основы ислама. Многие из слушателей за короткое время научились по правилам совершать намаз, усвоили шариатские нормы, научились читать и писать по-арабски.

Думой г. Костромы 16 апреля 1998 г. было вынесено решение о безвозмездной передаче здания фабрики в собственность МРО. Администрация Костромы 27 апреля 1999 года предоставила мусульманскому объединению в бессрочное пользование земельный участок под этим зданием. В 1999 году впервые в Костроме Национально-культурной автономией татар и Мусульманским религиозным объединением была учреждена и стала издаваться газета «Ислам», что явилось началом издательской деятельности мусульман Костромы. Организатором и главным редактором газеты стал Валиулин Анвер Гарифович, который стоял у истоков основания Мусульманского религиозного объединения и активно участвовал в реставрации переданного под мечеть здания и начале строительства новой мечети. Кроме того, он являлся первым имам-хатыбом мусульманской религиозной общины г. Галича, образованной в 2003 году.

На протяжении нескольких лет газета «Ислам» вела летопись строительства новой мечети в Костроме. Вот что сообщалось в заметке «Начало строительства мечети Костромы» в июньском номере за 2003 год:

«День 4 мая 2003 года для мусульман г. Костромы стал особенным, историческим днем — забита первая свая фундамента новой мечети... Огромная благодарность администрации города Костромы и лично главе администрации Коробову Борису Константиновичу за проявленное внимание к мусульманам города, оказание постоянной помощи и поддержку при изготовлении проектно-сметной документации. А также за предоставление участка под строительство новой мечети на площади Конституции, рядом с существующим ветхим зданием, где временно находится мечеть. На

эскизном проекте видно, как архитекторы проектного института и активно участвовавший в проектировании председатель МРО Зарипов Х.С. искусно вписали строящуюся мечеть в существующий ансамбль площади. При проектировании мечети они предусмотрели все необходимые помещения, залы для проведения джума и праздничных намазов, как для мужчин, так и для женщин. В здании мечети предусмотрена громкоговорящая, телефонная и радио связь, компьютерная комната. Планируют строительство произвести в течение 2-х лет...».

Через два года мечеть, конечно, построена не была, но дело продолжалось. В мартовском номере газеты за 2006 год опубликована статья «Закладка первого камня мечети», где, в частности, говорится следующее:

«День 26 февраля 2006 года для жителей города Костромы стал поистине историческим днем, днем величия демократии и взаимоуважения межрелигиозных отношений. Именно на площади Конституции, площади, отвечающей своим названием торжеству демократических преобразований, заложены сразу два символа мусульманской и православной дружбы, глубокого взаимоуважения и взаимопонимания. Первый символ — на территории Костромской мечети заложен первый камень строительства Духовно-культурного центра костромских мусульман, посвященного памяти погибших татар в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Второй символ — с другой стороны площади Конституции установили крест, на месте которого будет вознесен храм Казанской Божьей Матери. На торжественной церемонии закладки камня присутствовали руководители Костромской области и города Костромы, делегация Духовного управления мусульман Европейской части России, представители Костромской епархии Русской Православной Церкви, гости из республики Татарстан, из соседних областей, представители духовных управлений, а также прихожане мечети. Костромские мусульмане давно мечтали услышать слова взаимопонимания и дружбы в свой адрес...».

Хасан Зафиров (в центре) и Рауф Гайфудинов (справа) с прихожанами

В этом же номере газеты сообщается об открытии «Фонда возрождения и развития Костромской Соборной мечети», приводятся его реквизиты, публикуются обращение к мусульманам Костромы и области, России и зарубежья, имена первых жертвователей из Костромы, Галича, Москвы, Наро-Фоминска и других городов. Фонд возглавил известный предприниматель и бла-

А. Валиуллин и Р. Гайнутдин, председатель совета муфтиев России

готворитель Рауф Шигабутдинович Гайфудинов, чья мама Хажяр Гаялутдиновна Гайфудинова или, как ее звали в народе, Хажяр-апа, сама дочь имама, многое сделала для исламского просвещения мусульманок и мусульман г. Костромы в годы забвения религии в советское время.

В марте 2009 года вышел номер «Ислама», посвященный светлой памяти Анвера-хазрата Валиулина, который 10 лет был главным редактором газеты. Здесь кроме многочисленных соболезнований и трудов Анвера Гарифовича была напечатана информация «Фонд возрождения и развития Костромской Соборной мечети», а также сообщение о поступивших на счет фонда добровольных пожертвованиях для продолжения строительства мечети. Последний жертвователь шел под номером 218, суммы были от 500 до 5000 рублей.

Однако, несмотря на поддержку народа, хорошие слова и высокое представительство на церемонии закладки первого камня, настоящего взаимопонимания, увы, не получилось. Некоторые руководители города и области перестали поддерживать строительство мечети, более того, стали противниками этого дела. Может, кого-то стало смущать будущее соседство мусульманского и православного храмов. Но ведь есть достойный и весьма показательный пример: замечательная соборная мечеть в Санкт-Петербурге находится рядом с величественным Петропавловским собором, символом северной столицы. И это соседство никого не смущает, напротив, оно украшает облик города. Или другой пример: в 1000-летней Казани мирно соседствуют православные и мусульманские храмы. О священном Иерусалиме и говорить не приходится, там внутри Старого города находятся разные кварталы: и мусульманский, и христианский, и иудейский...

Возможно, у противников строительства мечети есть какие-то другие причины, непонятные костромским мусульманам. Но факт остается фактом: прошло 10 лет со времени, когда была забита первая свая, но мечеть не построена. Более того, строительство остановлено, предпринимались попытки признать его незаконным, хотя, по словам руководителя Мусульманского религиозного объединения, на 70 процентов мечеть уже построена, и на это дело затрачено 18 миллионов рублей народных денег. Это материальный аспект, но есть еще и морально-этический: мечеть посвящена памяти татар, погибших в годы Великой Отечественной войны, не

закончить строительство — значит предать эту память. И, наконец, аспект житейский: что делать дальше костромским мусульманам, которых в области, опять же по словам председателя МРО, около 20 тысяч? И не только в Костроме — общины есть в Галичском, Нерехтском и других районах области. И не только татар, но и азербайджанцев, чеченцев, дагестанцев и других дружественных народов. Старая и ветхая мечеть давно уже не удовлетворяет их духовным запросам. Куда им придти на службу, где вместе встретить праздник? Кто-то же должен думать и отвечать на эти вопросы: на дворе ведь не 1930 год, когда костромская мечеть была закрыта, и не 1953, когда она была разрушена. И как быть с многолетними «весьма приятными отношениями», которые отмечал еще друг великого драматурга Островского и тоже наш земляк писатель Потехин (кстати, одно время служивший чиновником в Костроме)?

Однако, несмотря на эти, казалось бы, очевидные аргументы, администрация г. Костромы в 2009 году не дала разрешения на продолжение строительства мечети и подала в суд иск о его приостановке. В свою очередь мусульманская община подала встречный иск, где обжаловала действия чиновников. В результате серии разбирательств Свердловский суд г. Костромы, а затем и областной суд принимали решения то в пользу администрации, то в пользу

Р. Гайнутдин (в центре) в КФУ им. Н.А. Некрасова

мусульманской общины. В июле 2012 года Свердловский суд обязал городскую администрацию выдать мусульманской общине разрешение на продолжение строительства. В сентябре 2012 года областной суд также признал незаконным отказ администрации г. Костромы продлить разрешение на строительство мечети и обязал стороны рассмотреть вопрос по-новому, т.е. фактически вернуться к 2000 году, к началу строительства. Весы Фемиды колебались то в одну, то в другую сторону, наглядно подчёркивая тезис о независимости нашего суда. Показательно также то, что именно в это время (19 августа 2012 года, в праздник Ураза-Байрам) в России открылся и начал вещание первый светский канал для мусульман «Аль-РТВ» (где-то что-то открывается, только не у нас).

Ситуация изменилась в лучшую сторону в начале 2013 года, после приезда в наш город муфтия Рафиля Исмагиловича Гайнутдина, встречи его с губернатором Сергеем Константиновичем Ситниковым и выбором нового состава руководства Мусульманского религиозного объединения. Свидетельствует активный участник строительства, руководитель «Фонда возрождения и развития Костромской Соборной мечети» **Рауф Шигабутдинович Гайфудинов:**

«Трудное время для строительства мечети наступило с приходом в мэры г. Костромы в конце 2003 года человека некомпетентного, протеже столичных коммерсантов, для которых земля с начатым строительством являлась идеальным местом для возведения торгового центра. Для изъятия участка были привлечены прокурор области и суд. Только после обращения татарской мусульманской диаспоры при поддержке губернатора Виктора Андреевича Шериунова к президенту страны и вмешательства администрации президента удалось доказать в суде законность выделения земельного участка и начала строительства мечети. Вообще трудно переоценить заслугу В.А.Шериунова в помощи строительству мечети. Большое ему человеческое спасибо. Но особенно тяжелые времена были с осени 2008 по весну 2012 года, когда под предло-

Сабантуй 2009 года. В центре - Ф. Ф. Гумеров.

гом борьбы за «чистоту» веры начались гонения в Костроме на лидеров религиозных организаций. И второй раз пришлось обращаться в суд для восстановления конституционного права людей на продолжение строительства. Только в марте 2013 года по воле Всевышнего и при активном участии новых руководителей Мусульманского религиозного объединения Флуна Фагимовича Гумерова и Рашита Мифтаховича Мифтахова было получено разрешение и продолжено строительство мечети».

Российский предприниматель и общественный деятель, президент ювелирной компании «Алмаз-Холдинг» **Флун Фагимович Гумеров** в 2000 году стал генеральным директором ОАО «Красносельский Ювелирпром», а в 2010 году депутатом Костромской областной Думы. Конечно, он принял близко к сердцу строительство мечети в Костроме, и во многом благодаря ему это дело поддержали руководители Республики Татарстан:

«Мэр Казани Камиль Шамильевич Исхаков дважды был в Костроме, встречался в губернатором Виктором Андреевичем Шеришуновым, с которым вместе учился в Казанском университете, посещал место строительства. Он мне сказал: раз ты живёшь теперь в Костромской области, то твоя основная задача — построить мечеть. И подтвердил, что готов поддержать

С. И. Кадыйбердеев, В. А. Шеришунов и К. Ш. Исхаков на встрече с членами Мусульманского религиозного объединения. г. Кострома. 2004 г.

проект административно и финансово. И слово своё сдержал, участвовал в строительстве через созданный фонд, так же как и президент Республики Татарстан Шаймиев, и премьер-министр Минниханов. Потом Камиль Шамильевич был назначен полномочным представителем Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе, но строительством мечети продолжал интересоваться. Большую помощь оказывал руководитель «Татэнерго» Ильшат Шаехович Фардеев. Он тоже приезжал в Кострому, встречался с губернатором Шеришуновым, побывал в мечети, посмотрел и сказал: давайте чертежи, я сделаю металлоконструкции. И всё сделал, и в срок поставил. Встречался я и с Рустамом Нургалеевичем Миннихановым, последний раз в декабре 2012 года, когда он уже был президентом Татарстана. Ранее он выделял 2,5 миллиона рублей, а в этот раз выделил 7,5 миллиона. И подтвердил, что будет оказывать материальную поддержку и дальше. Как раз в декабре в Кострому приезжал муфтий Равиль Гайнутдин, нас принял и поддержал губернатор Сергей Константинович Ситников, огромное ему за это спасибо. При мне муфтий довёл до сведения президента Татарстана, что он был в Костроме и получил поддержку губернатора. И Минниханов сказал: я обязательно выражу благо-

дарность Сергею Константиновичу. Насколько мне известно, у них состоялась встреча, и президент, выразив благодарность, предложил губернатору посетить Татарстан с дружественным визитом.

Я доволен, что всё уладилось, что мои земляки нас поддержали. Теперь моя задача, как руководителя, закончить строительство мечети и сделать так, чтобы наше религиозное объединение вписалось в гражданское общество Костромской области. Толерантность, уважительное отношение — прежде всего. В идеале наш храм должен стать украшением города, куда могут приходить все костромичи. И конечно, ни в коем случае мы не должны мешать окрестным жителям. Надо понимать, что у нас светское государство, что Кострома — это сердцевина Золотого кольца России, что испокон веков люди жили здесь в дружбе и уважении друг к другу. Мы, действительно, все братья. Если один человек родился христианином, а другой мусульманином, то так угодно было Всевышнему. Мы не выбираем религию и национальность, это они выбирают нас. И потому моя задача — сделать добрыми отношения между представителями разных национальностей внутри нашего сообщества. И восстановить нормальный диалог Мусульманского религиозного объединения с представителями власти всех уровней. Задача сложная, но выполнимая. И мои коллеги, мой заместитель Рашид Мифтахович Мифтахов меня в этом поддерживают».

Имя **Рашида Мифтаховича Мифтахова** хорошо известно костромичам. Многолетний генеральный директор ОАО «Фанплит», заслуженный работник лесной промышленности Российской Федерации, почётный гражданин Костромской области, он стоял у истоков Мусульманского религиозного объединения:

«Я хорошо помню то время, когда у нас ещё ничего не было, собирались на квартирах, вместе отмечали праздники. А потом решили объединить мусульман в Костроме, сначала было всего четыре человека: Тимербаев Тимурбек Афтахович, Мандалиева (сейчас Лоханина) Альфия Усмановна, Искандеров Фатих Идрисович и я. Инициатором объединения был Тимурбек Афтахович, он приехал в Кострому из Башкирии, несколько лет работал здесь на руководящих должностях в управлениях бытового обслуживания и торговли, а потом уехал торговым представителем в Монголию. С него здесь всё и началось, он был таким

Р. М. Мифтахов

моторчиком-организатором. Когда объединение зарегистрировалось и увеличилось, передали бразды правления Хасану Салиховичу Зарипову. Тогда и решили строить новую мечеть, это было желание большого количества людей. Мусульман в Костроме очень много — и татары, и таджики, и туркмены, и узбеки, и башкеры, и дагестанцы, и азербайджанцы... Мы хотим мира между представителями всех национальностей и всех конфессий. Отработав 22 года генеральным директором предприятия «Фанплит», я выделил крупную сумму денег на восстановление православных храмов в Костроме, Чухломе, Красномна-Волге. За эти дела награждён орденом святого Геннадия Костромского. И в строительстве мечети помогал, так же, как и другие руководители предприятий — и материалами, и техникой, многие вносили свои личные средства. И были очень огорчены, что строительство мечети нарушилось. Любое доброе дело надо поддерживать, а не мешать ему. В мечети мы молимся, встречаемся, общаемся друг с другом — никакого вреда от этого никому нет. И ещё один вопрос. Вот выходцы из Средней Азии или с Кавказа поедут к себе и скажут: почему у нас стоят церкви и звонят колокола, а мечеть в Костроме строить не разрешают? Нам это надо?».

Конечно, не надо. И лучше других это знает бывший руководитель Мусульманского религиозного объединения **Хасан Салихович Зарипов**. Ему, как никому другому, хорошо известна вся эта многолетняя история с её проблемами и перипетиями:

«В 1994 году, в апреле, состоялось собрание костромских мусульман, на котором меня избрали председателем религиозного объединения. Тогда же был поставлен вопрос о строительстве мечети, с которым мы обратились к городским властям. Сначала нам был выделен участок в районе Черноречья, но рядом был овраг, место не пригодное для строительства, к тому же там проходила канализация. Я тогда работал инженером-строителем и вопросы проектирования и строительства были мне хорошо

знакомы, поэтому от такого варианта пришлось отказаться. В начале 1995 года у нас состоялась встреча с руководством города, где был поставлен вопрос о выделении помещения для религиозного объединения, чтобы удовлетворять потребности мусульман. Нам было предложено взять в аренду сроком на 49 лет здание бывшего клуба фабрики «Ремённая тесьма» по адресу: ул. Советская, 118. Здание было неказистое, ветхое, постройки 1915 года. Но мы согласились, сделали ремонт и в феврале 1995 года провели там первый Ураза-Байрам. И это событие встряхнуло жизнь мусульман — наконец-то у нас появился свой очаг духовной культуры.

В этом же 1995 году было принято решение о строительстве новой мечети, получено разрешение городской администрации, в Костромапроекте» выполнили проект, который прошёл все необходимые экспертизы. В 1998 году в соответствии с новым законом о религиозных организациях мы получили это здание в безвозмездную собственность как объект религиозного назначения. Земельный участок пока оставался в аренде, но с постройкой мечети должен был также передан в собственность религиозного объединения.

М. Х. Хайитуддинов

Ф.М. Искандеров

В 2003 году, после получения нового разрешения на строительство, вбили первые сваи, заложили фундамент и начали строительство наземной части. Тогда же был объявлен общественный сбор средств, стали приходить пожертвования. Деньги поступали на расчетный счет и в ящики. Помогали многие: и руководители предприятий, и активисты, и просто верующие и сочувствующие нам. Всех добрых людей назвать не могу, а выделять кого-то не буду, строили всем миром. Отмечу только, что очень большой вклад в общее дело внёс Анвер Валимулин, он, можно сказать, обеспечивал строительство идеологически. Власти города и области материально не помогали, но и не мешали, и мы были благодарны им за понимание.

В общем, дело шло хорошо, и вдруг как гром среди ясного неба: строительство прекратить, мол, это центр города и мечети здесь не место. Случилось это после того, как сменилось руководство города и области. Нам стали предлагать новые участки для строительства, но все они были малоприспособлены, например, поле в совхозе «Волжский». Да и как можно было перейти на новое место, если здесь уже было вложено в строительство 18 миллионов рублей народных денег. В последнее время во многих городах восстанавливались и строились мечети, но такой ситуации, как в Костроме, больше не было нигде в России. Многие приезжающие спрашивали: зачем остановили строительство, с ума, что ли, сошли? Я отвечал, что мы-то не сошли. Да и как объяснить людям, почему это произошло? Вот, например, в Калмыкии, где буддизм, строятся мечети, а в Туркмении, где ислам, строятся православные храмы — и это нормально.

Несколько лет мы занимались не строительными, а судебными делами, но ничего не менялось. Но теперь, после встречи муфтия с новым губернатором, вопрос должен решаться положительно. При наличии финансов закончить строительство мечети можно уже в 2013 году. Желаю новым руководителям религиозного объединения успехов в этом деле».

Как уже отмечалось, строилась мечеть, что называется, всем миром. Помогали чем могли — и ветераны, и молодежь. Имена многих хорошо известны и уважаемы в городе и области. Один из таких людей — **Фатих Идрисович Искандеров**, бывший в своё время руководителем управления «Костроманефтепродукт» и генеральным директором филиала «Славнефти» в Костроме. В

1991 году при его участии было положено начало организации Мусульманского религиозного объединения:

«В 1991 году на одном из собраний костромских мусульман-старейшин я предложил расширить состав религиозной общины. Для этого нужно было 10 человек, которые дали согласие, поставили подписи, составили протокол и передали на регистрацию. Вскоре религиозное объединение было зарегистрировано и получило юридический статус. Для регистрации, оформления разных бумаг, на содержание общины нужны были средства, в это трудное время и в дальнейшем помогали Рашид Мифтахов и Рауф Гайфудинов. Когда встал вопрос об открытии мечети, то я предложил избрать председателем нашего религиозного объединения Хасана Зарипова, он имел строительную специальность, работал прорабом и был наиболее подходящей кандидатурой. Конечно, было бы хорошо построить мечеть на улице Нариманова, где она когда-то была. Но в связи с поднятием уровня Волги это место было затоплено. И тогда с вопросом о мечети мы обратились в администрацию Костромы. Мэром в то время был Борис Константинович Коробов, он внимательно отнёсся к нашей просьбе, и нам выделили место на площади Конституции, с помещением и участком земли. Помещение бывшего клуба фабрики «Ремённая тесьма» мы временно приспособили под мечеть и рядом стали строить новую. Думали закончить в течение 10 лет, но дело это, к сожалению, затянулось. Почти все мусульмане-старейшины, кто начинал организовывать общину, уже умерли, не дождавшись открытия новой мечети. Очень обидно, тем более, что сначала руководители города и области нас, можно сказать, благословили на это дело, был открыт фонд для сбора средств на строительство, на праздники в мечеть люди приходили и приезжали с деньгами и жертвовали. Когда человек видит, что мечеть растёт, он радуется: вот и мои деньги пригодились. А когда видит, что строительство остановлено, то не может понять, в чём дело. Ведь столько людей участвовало, и получается, что их всех обманули. А помогали не только мусульмане, но и христиане. Мы ведь тоже в свое время участвовали в строительстве православных храмов. Когда я в 1980-е годы работал генеральным директором костромского филиала «Славнефти», то помогал в строительстве новой церкви во имя Александра Невского в селе Сухоногово.

Мечети сейчас есть во всех соседних с нами областных городах, в Ярославле их даже две. И в Костроме она просто необходима. Мусульмане не хотят жить разрозненно, они хотят объединяться, именно вокруг мечети. И городу она нужна — чем больше будет в нём красивых в архитектурном отношении зданий, тем лучше он будет выглядеть. Каких только замечательных архитектурных ансамблей нет в других странах — и исторических, и вновь построенных. Вот патриарх Кирилл ездил в Саудовскую Аравию и получил разрешение на строительство православного храма, можно сказать, в центре ислама. А нам столько лет разрешения не давали, хотя мы живём в Костроме и тоже боеем за её настоящее и будущее.

Сейчас главное — закончить строительство. Здание в основном уже построено, остались небольшие работы. Хотя и на отделку помещений тоже средства нужны, так что приходится всё опять начинать сначала. Но если больше не возникнет задержек,

то, думаю, через 1,5-2 года мечеть откроется. Это будет праздник для костромских мусульман, и многие в него снова поверили. А если в душе человека есть вера, то её нельзя убивать. **Без веры не может жить ни один народ».**

После смерти бесценного редактора «Ислама» Анвера Валиулина дело по выпуску газеты, этой летописи строительства мечети, продолжила его дочь **Фатима Жалаялетдинова:**

«Я родилась в Киргизии, где папа работал заместителем начальника колонии,

А. Ф. Валиулин

а в 1990 году мы переехали в Кострому. Здесь папа вышел на пенсию и полностью посвятил себя мечети, дневал там и ночевал. Он любил во всём порядок и наводил его в мечети, многое делал своими руками. В 1999 году организовал газету «Ислам», которая освещала ход строительства новой мечети. Когда он заболел, то передал газету мне. Я закончила филологический факультет нашего университета, и это дело было мне знакомо. Продолжаю его, мама мне помогает, распространяем газету по области, а также рассылает в другие регионы, например, в Карачаево-Черкесию, Дагестан. Вот так и живём, переживаем за мечеть, хотим, чтобы её скорее достроили, это была папина мечта. Похоронен он на мусульманском кладбище, рядом с ним похоронили бра-

та Хасана Салиховича Зарипова, который делал в мечети всю электропроводку. Помогал каждый, кто чем мог — и мужчины, и женщины. В мечеть ходит до 50 женщин, половина из них — бабушки-татарки. Молодёжи немного, но в новую мечеть, думаю, будет ходить больше, ведь в старой очень тесно. Дети тоже ходят, стараемся им дать домашнее образование».

В одном из выпусков газеты «Ислам» выражалась благодарность главе самоуправления г. Костромы **Борису Коробову** за внимание к нуждам мусульман и помощь в строительстве мечети. Спустя 10 лет Борис Константинович так же считает, что политика городской администрации в отношении Мусульманского религиозного объединения до 2004 года была правильной:

«С представителями татарской общины в Костроме я был хорошо знаком и плотно работал ещё до регистрации религиозного объединения. И всегда знал их как работающих, смекалистых и надёжных людей. Хорошо помню, как такелажники на судомеханическом заводе умело транспортировали катера, любую работу выполнить могли. Когда к юбилею Костромы нужно было установить памятный знак, то лишь татары смогли ловко вытащить 58-тонный камень со дна реки Кубань на берег. Вся операция под руководством дяди нашего замечательного художника Сулеймана Кадыбердеева заняла всего 15 минут.

И когда я работал главой города, то отношение к мусульманской общине было самое уважительное. Они были членами нашего общежития, многое делали для развития города. Поэтому, когда решался вопрос о строительстве мечети, то я это дело поддерживал. А позже, когда посетил Казань, побывал в Кремле, увидел, что мечеть и православный храм мирно уживаются, никаких сомнений уже не осталось. Хотя, конечно, мне говорили о том, мол, как же так, в центре русского православного города — и вдруг мечеть. Но в общине были люди, которые болели за Кострому, помогли решать социальные вопросы, жертвовали на православные храмы. Это Мифтахов, Гайфудинов, Искандеров и другие руководители. Поэтому, когда от имени религиозного объединения в администрацию обратился его председатель Зарипов, мы просто не могли отказать и приняли решение о передаче под мечеть здания клуба фабрики «Ременная тесьма» и земельного участка с последующим строительством там новой мечети. Много времени с тех пор прошло, но у меня нет чувства, что мы поступили неправильно. Это потом стали шум поднимать, мол, мечеть на виду, выше всех храмов будет. Но ведь всё можно было регулировать, разрабатывался план, по которому мечеть никуда не вытирала. Должна была строиться 9-этажная пристройка к гостинице «Кострома» и ещё одно здание, где сейчас находится налоговая инспекция. И мечеть находилась как бы в нише. Нужно было всё спокойно делать, а не шуметь. Очень сожалею, что этот план не получился. Считаю и считаю, что если люди верят, то эту веру надо только поддерживать. Религия учит хорошему, и верующий человек не совершит зла.

Хорошо, что новым руководителем Мусульманского религиозного объединения стал Флун Фагимович Гумеров, опытный организатор и сильная личность. Теперь можно с надеждой смотреть в будущее. Думаю, что мечеть скоро будет построена, а у меня и на общественной работе сохранятся добрые отношения с татарской общиной».

...Виктор Николаевич Бочков, известный краевед и писатель, автор книг и путеводителей по улицам Костромы, 9 сентября 1984 года сделал в дневнике следующую запись: «Ходили прогуляться в Татарскую слободу, где я не бывал уже несколько лет. На берегу намыты горы песка, стоят машины и краны. Вероятно, будут благоустраивать набережную. Повыше, по краю ул. Калинина,

Мечеть. Вид изнутри.

установили паркет. На Железнодорожной улице, кажется, снесли ещё пару домов по берегу. С одной стороны, хорошо, когда благоустраивают улицы, а с другой — теряется облик древней, существующей с середины XVII века Татарской слободы с её кладбищем, мечетью и потомками ногайцев, до революции говоривших на родном языке и учившихся в своей национальной школе».

Хочется верить, что облик древней Татарской слободы сохранится в нашей исторической памяти, а вновь построенную татарскую мечеть никогда не постигнет трагическая судьба той, что в течение двух веков гордо возвышалась на живописном берегу нашей матушки-Волги.

Источники

Фонды ГАКО - документы о костромских татарах:

Ф. 133 - Канцелярия Костромского губернатора. Ф. 134 - Костромское губернское правление. Ф. 137 - Строительное отделение Костромского губернского правления. Ф. 138 - Чертежное отделение Костромского губернского правления. Ф. 205 - Костромская губернская земская управа.

Ф.134, оп.11, д.84. – 1873. Протокол строительной комиссии по вопросу о составлении плана после пожара на Татарскую слободу.

Ф. 138, оп. 21, д. 191. - 1871. Описание Татарской слободы Гридинской волости Костромского уезда Костромской губернии и землях пограничных с ней.

Ф.137, оп.2, д.5792.- 1897. 28.07-25.10. О строительстве деревянной мечети в Костромской подгорной татарской Слободе.

Ф.133, оп.2, д.2, д.13517. – 1902. 04.12. Прошение кандидата богословия Казанской духовной академии Михаила Третьякова о разрешении открыть среди жителей пригородной Татарской слободы начальное сельское училище.

Ф. 134, оп. 6/ш, д. 480. – 1908. 02.09. Освобождение от должности Ахуна муллы мечети Костромской подгорной Татарской слободы Тухфатуллы Сафарова (по болезни) и избрание на эту должность муазина этой же мечети Хасамутдина Абызова. Возведение Хасамутдина Абызова в звание Ахуна Имама Костромской Подгорной татарской слободы.

Ф. 207, оп. 1, д. 5647 а. - 1915. План губернского города Костромы (указана земля Татарской слободы).

Ф. Р-1, оп. 1, д. 2566. – 1920. Удостоверения членов мусульманского товарищества «Ломовой труд». Заявления о принятии в члены товарищества.

Библиография

Карамзин Н. М. История государства Российского. - СПб., изд. 5., 1842.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губернии / Сост. Я. Крживоблоцкий. - СПб., 1861. - С. 168 -169.

Исторические и этнографические сведения о татарах, живущих в Костромской Подгорной татарской слободе.

Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. - Кострома, 1862.

Потехин А.А. Путь по Волге в 1851 году. Очерки и рассказы. – СПб, 1873, т.1.

Список населенных мест по сведениям 1870-1872 гг. Костромская губерния. – Т. XVIII. – СПб., 1877.

Пирогов В. Татарская деревня под Костромой // Материалы для статистики Костромской губ.- Вып. IV.- Кострома, 1881.

«Живописная Россия». – Т.6, ч.2. 1899.

Местная хроника // Костромской листок. - 1900. - 24 марта. О предполагаемом ремонте мечети в Татарской слободе.

Перестройка мечети и училища. // Костромской листок. - 1901. - 20 апреля.

Биография Ахуна Сафарова в память пятидесятишестилетней службы в духовном сане при мечети Костромской подгородной Татарской слободы и описание местности Костромской подгородной Татарской слободы. - Кострома: Губернская типография, 1903.

Татарская слобода // Костромской листок. - 1904. - 2 апреля. О кожевенном заводе Филиппычева в Татарской слобод г. Костромы

Материалы для истории города Костромы. 4.1. / Сост. А. Скворцов. - Кострома, 1913.

Хроника пребывания царствующих особ в Костроме 19-20 мая 1913 года. Сост.Н.Виноградов. – Кострома, 1914.

План города Костромы и окрестностей в четырех красках. Исторический очерк города Костромы. Указатель казенных и общественных зданий, церквей, садов и достопримечательностей / Сост. П.Е. Навоев. - Кострома, 1913. Карта Костромы с указанием местоположения Костромской Подгорной Татарской слободы.

Списки населенных мест по Костромской губернии. Костромской уезд. Вып. I. — Кострома, 1925.

И.А.Шубин. Волга и волжское судоходство. — М. Транспечать. 1927.

Булатов Х. Выселение мұлы из бесплатной квартиры // Северная правда. - 1929. - 28 марта.

Бетонщики просят отдать церковь Стефана Сурожского Татарской слободе под школу. // Северная правда. — 1929 г. - 31 декабря.

Колгушкин, Л.А. Костромская старина. Из воспоминаний старожила. 1960-е гг. Рукопись. Фонд ГАКО. Из истории Татарской слободы.

Улицы Костромы. Справочник / Под ред. В.Н. Бочкова, И.Н. Захарова. - Ярославль: Верх. - Волж. кн. изд. - во, 1989. - Улицы Костромы: Калинина (возникла в составе Татарской слободы в 1870-х гг.), Нариманова (составная часть Татарской слободы), Татарский пер.

Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Выпуск 18, 1920 г.

Полное руководство по псовой охоте, составленное П.М.Губиным. М.1891 г.

Теляковский Н.Н. Старина и святыни города Романова. Ярославль, 1913.

Костромская старина №9, 1997 г.

Романов-Борисоглебская старина №4, 2008 г.

Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь. М,2009.

Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. II Романовские чтения. - Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009.

Содержание

История переселения.....	5
Мечеть в Татарской слободе	15
Занятия и промыслы населения Татарской слободы.....	31
Обряды и обычаи слобожан.....	43
В годы Первой мировой.....	51
Поиски языка с новой властью.....	59
Возрождение религиозного объединения.....	67

Историко-краеведческое издание

ТАТАРСКАЯ СЛОБОДА И МЕЧЕТЬ В КОСТРОМЕ

Автор-составитель Николай Муренин

В авторской редакции

Художник Сулейман Кадыбердеев

Оригинал-макет Василий Кокшаров

(На обложке - герб Костромской губернии до 1878 года)

Издано при участии Мусульманского религиозного
объединения г.Костромы

Автор благодарит сотрудников Государственного архива
Костромской области и областной универсальной научной
библиотеки за помощь в работе над книгой.

Формат 60х90/16. Объем 5,75 п.л. Бумага мелованная.

Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано: Издательский дом «Линия График Кострома»